

СОФИЯ ЮЭЛ

— СЕЯТЕЛЬ СНОВ —

18+

София Юэл
Сеятель снов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Юэл С.

Сеятель снов / С. Юэл — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У маленького Джереми Пэриша есть необычный талант. В свои четыре года он может заглядывать в людские души, видеть чужие сны. Неприветливый городок Карлайл, где Джереми оказался во время выставки тысячелетия, способен дать ответы на вопросы мальчика. Кто он такой? Почему лишен детства? Какая сила наделила его пониманием прошлого и будущего? Темная легенда старого города, немыслимая жестокость, загубленные судьбы, люди, на первый взгляд, совершенно не связанные между собой, но крепко переплетенные в своем горе, приоткроют герою тайну его происхождения и способностей.

© Юэл С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Джереми и Джейн	6
Глава 2. Джейн Фрай	11
Глава 3. Воспоминания о маленьких шалостях	17
Глава 4. Обещание	25
Глава 5. Проклинающий камень Карлайла	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

*«И увидят старики сны,
Юношам же явятся видения».
Книга Иова, 2:28.*

Часть 1. Джереми и Джейн

Глава 1. Это всего лишь сон, Джереми

Это случилось 23 сентября 1999 года. В день, когда Джереми исполнилось четыре года, по всему юго-востоку Англии пронеслась сильная буря. С Северного моря подул ураганный ветер, на города и деревушки обрушились ливни и паводки, деревья и крыши домов падали на землю под порывами шквального ветра, то тут то там гибли люди и животные, машины стояли брошенные прямо на дорогах. Лондон не стал исключением. Ураган, которому дали имя Густав, изрядно потрепал и его, оставив после себя сорванные рекламные щиты и вывески, затопленные подвалы пабов, магазинов и домов. Не лучший день для праздника, поэтому празднование дня рождения своего единственного ребёнка мистер и миссис Пэриш перенесли на конец недели. За исключением огромного торта с четырьмя свечами, заказанного накануне, и ужина, приготовленного поварами одного из элитных ресторанов Лондона, праздник не удался. Гости не приехали, за окнами свирепствовала буря.

Для Уолдена и Дианы Пэриш – отца и матери Джереми – этот день стал по-настоящему невыносимым, поскольку провести его им пришлось вместе. Уолдена больше всего расстраивало отсутствие Мисси – его новой помощницы, которую он, где-то на втором часу празднования, между пятым и шестым бокалами скотча, намеревался увести наверх и хорошенько развлечься. Диана была расстроена ничуть не меньше мужа, ведь вместо попойки с богатыми подружками, любая из которых была беднее и страшнее неё, ей пришлось весь вечер видеть рожу Уолдена, мечтающего о своей новой помощнице. Если бы не Джейн, супруги вполне могли бы перегрызть друг другу глотки, и Джереми остался бы сиротой, впрочем, его бы это не сильно расстроило. Джейн была няней Джереми, и с ней он проводил больше всего времени.

В тот вечер Джереми смотрел мультик про незадачливого койота и птицу. Праздничный ужин был настолько коротким и неловким, что торт для Джереми велели отнести прямо в детскую, а его мать с отцом поспешили разойтись по разным комнатам, чтобы не видеть и не слышать друг друга. На полу перед Джереми лежал его подарок – игрушечная железная дорога с миниатюрными копиями английских поездов. Очень дорогой подарок от отца, который выбрала и купила на его деньги очередная «помощница». Джейн вошла в детскую, она принесла кусок торта и свечку. Няня зажгла свечу, Джереми весело её задул, и дом Пэришей погрузился во мрак в прямом смысле слова – во всем районе выключился свет.

– Не бойся, – сказала Джейн, – ешь свой торт.

Она снова зажгла свечу. Колеблющийся язычок пламени, причудливая игра света на детском лице, или просто обман зрения, но Джейн ощутила страх, внезапный и острый, как укол в палец. Его глаза изменились. Всегда открытый детский взгляд вдруг стал тяжёлым и отстранённым, будто невидимая тень упала на мальчика, и Джереми стал на себя не похож.

– Я не хочу есть, – сказал Джереми, ставя тарелку с тортом на пол между собой и Джейн.

– Твои глаза...

– Что с ними? – спросил Джереми, машинально потирая их пальцами.

– Просто показалось.

Она словно увидела себя и мальчика со стороны и невесело усмехнулась своим ассоциациям – как будто они вызывали духов, и те откликнулись. За окнами бушует ураган и дождь хлещет по стеклам, во всем доме нет света, а они сидят на полу с одной единственной свечкой. И она готова была поклясться, что глаза Джереми изменились.

– Раз ты не хочешь есть свой торт, давай-ка я уложу тебя спать.

Джейн подошла к телевизору и нажала на кнопку внизу экрана, чтобы тот не включился, когда дадут электричество.

Вдвоём они убрали его многочисленные игрушки с пола, по крайней мере те, которые смогли обнаружить в полумраке комнаты. Затем Джереми надел свою весёлую пижаму с Винни Пухами и лёг в кровать, натянув одеяло до самого носа.

– Я не смогу уснуть, – пробубнил он из-под одеяла.

Джейн присела на край его постели и спела его любимую «All the pretty horses»¹.

– Ты же понимаешь, что уже слишком взрослый для колыбельных песен? – спросила она, с облегчением отметив, что глаза его снова стали обычными, взгляд перестал казаться тяжёлым, невидимая тень пропала.

– Но она мне нравится.

– Знаю. Засыпай.

И Джереми вскоре уснул. В непогоду он всегда плохо засыпал, но не сегодня.

Джейн задула свечку, которая уже почти догорела и вышла из детской со странным тревожным предчувствием. И предчувствие её не подвело. Ураганом дело не ограничилось.

За окнами всё ещё бушевали ветер с дождём, Джереми беспокойно метался в своей кровати, словно в лихорадке. Ему снился сон, который, как он сам расскажет о себе, разорвал его на мелкие куски и собрал заново из чего-то совсем иного. Сон оборвал его детство на отметке 4, именно в 4 года Джереми перестал быть ребёнком. Если бы Джейн осталась тогда в его комнате, она бы не на шутку испугалась. Джереми спал, но глаза его были открыты, он произносил вслух всё что видел, а видел он странные вещи.

Он проснулся от запаха гари и дыма в своей кровати, но комната и всё вокруг изменилось. Вместо высокого потолка с красивой люстрой на него взирало ночное небо с богатой россыпью далёких звёзд. Он никогда прежде не видел такого звёздного неба, в Лондоне его невозможно увидеть.

Он встал с кровати и осмотрелся. Все его игрушки, и даже новая железная дорога были обуглены и источали едкий запах горелой пластмассы. Вся мебель почернела и будто состарилась на многие годы.

Джереми очень испугался, выбежал из комнаты, звал Джейн, мать, даже отца, но слышал только эхо. Крыша и потолок исчезли, стены покрылись вековым налётом копоти и пыли, под ногами трещал и рассыпался ветхий паркет. Он трогал стены потными ладонями, и они отзывались холодом во всём теле. Стены словно молчаливые каменные идола уходили высоко в небо и вскарабкаться по ним было невозможно. Картины в дорогах рамках, которые и раньше казались Джереми недостижимыми, теперь поднялись на невероятную высоту. Почерневшие и перекошенные, они продолжали висеть на грязных стенах. Казалось, весь дом менял свои очертания и всё, что было привычным и знакомым, превращалось в нечто совершенно иное. Посреди всего этого безумия Джереми был один.

Не без труда найдя лестницу, он увидел, что она тоже изменила привычный облик, превратилась в витиеватый лабиринт, вела то вверх, то вправо, то влево. Он шагнул, уткнулся в стену, развернулся и поднялся вверх, взглянул вниз и сжался от страха – на него глядела пропасть, казалось, он находится на невероятной высоте между небом и землёй. Подул ветер и растрепал его волосы, мокрая от пота пижама противно липла к телу, он почувствовал озноб от холода. Поднялся ещё выше и теперь смог разглядеть картины на стенах. Но это были не те картины, что всегда висели в его доме.

На одной были изображены жуткие люди в странных головных уборах, они парили в воздухе невысоко над землёй и держали обнажённого мужчину, казалось, они терзали его, то ли кусали его плоть, то ли пили его кровь. Под ними на земле были ещё двое: один скорчился,

---

¹ «All the pretty horses» – старинная колыбельная песня. По приданиям эта колыбельная уходит корнями в США в период рабовладения, когда рабыни, лишённые собственных детей, которых сразу после рождения отнимали у них, пели эту песню детям своих рабовладельцев.

другой, прячась под плащом, словно пытался убежать подальше от парящих людоедов. Сбоку виднелась голова и шея осла. На другой картине была изображена спящая женщина с жутким существом на груди, а сзади то ли на спящую женщину, то ли на само существо глядела белыми глазами страшная лошадиная голова. На третьей картине множество женщин, старых и молодых, летали на козлах и мётлах, меж ними сновали летучие мыши и неизвестные Джереми существа, он никогда прежде не видел ничего подобного. Он поднялся ещё выше, чтобы разглядеть картину получше. Ветер всё так же трепал его волосы и пижаму, но холода мальчик больше не испытывал, напротив ему стало жарко, как в знойную летнюю ночь. Ещё на одной картине была изображена голая женщина в объятиях огромного чёрного козла, подписи на картине не было. Немного левее, в почерневшей рамке висела фотография двух юных девушек. Одна была симпатичной, вторая настоящей красавицей. У симпатичной были рыжие волосы, у красивой – тёмно-каштановые, густые, чуть ниже плеч. Девочки сидели на массивном столе из тёмного дерева, а за ними находились полки с книгами за стеклом. Книги показались Джереми древними или попросту очень старыми, он видел такие в кабинете отца, но ему накрепко запретили заходить туда и трогать их.

Обе девочки с фотографии не улыбались и, чуть склонив друг к другу головы, просто глядели не в объектив фотокамеры, а на самого фотографа, и было в их взгляде что-то жуткое, обреченное, непристойное, что-то на грани обожания и боли. Джереми очень хотелось увидеть его, того человека, который сделал фотографию, на секунду стать одной из двух девочек и увидеть то, что спрятано от его собственных глаз. Он долго смотрел в лица девочек, особенно в лицо той, что красивее, даже коснулся рукой её щеки, волос, губ, испытывая странное чувство, словно смотрел на себя самого много-много лет назад, на себя, ещё несуществующего на земле, но в то же время вполне реального. Это чувство напугало его, Джереми отдернул руку от фотографии и пошёл дальше по лестнице, которая начала уходить вниз, в бездну дома. Неестественно петляя и извиваясь, лестница вывела его в холл, больше напоминающий глубокий колодец, крышку которого забыли закрыть. Прежде уставленный дорогой мебелью, картинами и лампами холл теперь был совершенно пуст. Ковров тоже не было, и Джереми пожалел свои босые пятки, то и дело он наступал на пепел, обломки и мелкие острые камешки. Он шёл вперёд очень долго, а длинный коридор холла всё не заканчивался, впереди он видел широкую входную дверь, но она всё не приближалась, словно он не шёл, а шагал на месте. Несколько раз он пытался пробежать по коридору, но непременно спотыкался и падал, раздирая колени в кровь. Тогда от полного бессилия, боли и страха он заплакал, слёзы большими каплями падали на его пижаму с поблекшими Винни Пухами.

Вдруг, он ощутил холод в своих ладонях, с обеих сторон его взяли за руки. Это были какие-то мальчишки в школьной форме с гербом, похожим на змею, пожирающую собственный хвост. Мальчишки вели его вперёд, не говоря ни слова, даже не глядя на него. Сначала он испугался, затем обрадовался, они не были страшными, обычные мальчишки, только намного старше его – школьники.

– Кто вы такие? – спросил Джереми.

Они не ответили, на лицах застыло полное безразличие. Один из мальчишек был повыше ростом и оттого казался Джереми старше. Он дернул его за руку и повторил вопрос. Ответа не последовало. Они довели его до двери и оставили одного. Глядя как они уходят обратно в черноту коридора, Джереми не понимал, как это всё может происходить. Они шли невероятно медленно, будто что-то тянуло их назад, одежда на них осыпалась, следы от их башмаков казались выпуклыми, словно кучки пепла. «Так не бывает, – подумал Джереми, – сейчас я открою дверь, выйду отсюда, и всё будет как раньше».

Он повернул ручку, и дверь приоткрылась. Джереми увидел высокую траву, тропинку и лес впереди. На безоблачном небе светила полная луна, она неплохо освещала путь. Здесь казалось безопасно. Испаряющиеся босые ноги Джереми отдыхали на мягкой траве. Он медленно

побрёл к лесу Ветер нетерпеливо задул ему в спину, трава и ветви деревьев склонялись в сторону леса. Он решил побежать и ощутил прилив радости, словно это была какая-то игра, будто с ним играли невидимые сущности. Добежав до деревьев, он немного притормозил, решая стоит ли идти дальше, но сомнения его были недолгими. Впереди между толстыми стволами он видел огни, и воздух вокруг наполнился запахами печенья, яблок и ванильного крема, которые он так любил. Ведомый огнями и ароматами Джереми зашагал вперед, и лес приветствовал его как старого друга. Он ступал по мягким еловым веткам, слушал шум листвы и бречканье милых безделушек на ветках старого дуба, которые оставляют здесь влюблённые парочки: ловцы снов, серебряные колечки, колокольчики, ключики и прочие мелочи, они отзывались приятным звяканьем в ушах. Ему показалось, что он слышит пение девичьих голосов. Когда огни были совсем близко, Джереми остановился.

Впереди меж деревьев виднелась небольшая поляна, посреди неё горел костёр, в воздухе летали светлячки и ... что-то ещё, он видел, что именно, но отказывался верить своим глазам. Застыв на месте и крепко держась за ветку дерева, чтобы устоять на ногах, он смотрел вверх круглыми от удивления и страха глазами. Этого не может быть, такого просто не бывает.

В воздухе над костром парили две женские фигуры – тонкие и обнажённые, они казались даже не женскими, а девчачьими. Волосы их были распущенны и красиво развивались в воздухе. Одна была рыжеволосой, в свете костра её волосы походили на яркое пламя; вторая была тёмной, и Джереми показалось, что из её волос проглядывают крылья ворона и чёрные бусины птичьих глаз – они смотрели прямо на него. Но девушки не видели его, может быть они ничего не видели, лица их были устремлены вверх, в чёрное небо. Он не знал, сколько простоял возле костра. Он не мог понять настоящие они или нет, но заговорить так и не решился. Обойдя костёр, он пошёл дальше. Впереди виднелся ещё один дом, но это был не его дом. Джереми поспешил к нему, лишь на мгновение обернувшись на девушек. Они всё ещё парили над землёй, но теперь ему показалось, что они смотрят на него. Он испугался, побежал, а в спину ему нёсся их смех – звонкий, безумный. В страхе, что они полетят за ним, он припустил со всех ног.

Добежав до заброшенного дома, он поднялся по ступенькам и постучал в дверь, но ответа не последовало. Джереми обернулся и увидел, что лес теперь был далёкой тёмной полоской, как он мог за считанные секунды пробежать такое расстояние не укладывалось в его голове. Он постучал ещё и ещё, ответа не было, и тогда он привстал на носочки, дёрнул за дверную ручку и услышал щелчок.

Не без труда, дверь была очень тяжёлой, Джереми протиснулся внутрь и оглядел просторное и совершенно пустое помещение. Перед ним был овальный холл, в конце которого возвышалась широкая лестница, ни мебели, ни картин, ничего больше не было. Всё это скудное убранство освещалось лунным светом из разбитых арочных окон. Где-то сверху слышались голоса как будто из старого радио, Джереми не мог разобрать ни слова. Он поднялся по лестнице, голоса зазвучали громче, но говорили не на английском, Джереми не знал этого языка. Он пошёл на звук и оказался в тесном душном коридорчике с одной единственной дверью. Открыв её, он упал на колени, словно что-то сшибло его с ног, но что это было, он даже не успел понять.

Его взору предстала пустая комната, освещаемая лишь лунным светом, и в этой комнате перед Джереми возникали и менялись образы так быстро, что он не успевал понять, что именно он видит. Истощённое тело, зависшее в воздухе под люстрой, мальчики в синей школьной форме, сидящие в кругу и смотрящие вверх, змея, пожирающая собственный хвост, свастика, красивое лицо его матери, сменяющееся множеством других незнакомых ему лиц, образов, тел – это всё, что он успел различить. Голоса из старого радио теперь звучали так громко, что его голова готова была разорваться. Один язык сменился другим, каким-то странным, но очень похожим на английский. Последнюю фразу из радио произнёс женский голос и затем всё стихло. «*Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus, nunc et in hora mortis nostrae*» –

тогда Джереми не знал, что это означает. Образы перестали сменяться, и перед его глазами предстала больничная койка, на которой кто-то лежал. Подойдя, он увидел сначала лицо пожилой женщины, которое затем сменилось лицом изувеченной девочки лет шести. У девочки не было глаза, а на бритой голове поблескивала металлическая пластина. Второй глаз её был закрыт, лицо бледно, дыхание неровно.

Вспоминая этот сон, Джереми говорил, что он был невероятно долгим.

Глава 2. Джейн Фрай

Джереми почти не видел родителей. Всё время проводила с ним Джейн Фрай – пожилая, невысокая, стройная женщина с удивительно красивыми руками. До Пэришей она служила домработницей у семьи Уитлов, но вскоре её попросили занять место няни для двоих детей-близнецов. Близнецы любили её. Предыдущая няня ни у кого в доме не снискала симпатии, была не прочь приложиться к бутылке шерри и прикарманить парочку антикварных безделушек, коим не было счета в доме Уитлов. Уитлы сменили нескольких нянь, прежде чем обратить внимание на Джейн. Ведь она была уже не молода и не имела опыта общения с детьми. Все произошло спонтанно, близнецам было комфортно с Джейн, а Джейн комфортно с ними, Эллен Уитл это заметила и сделала домработнице предложение стать няней. Джейн согласилась – зарплата в два раза больше, и не нужно напрягаться с уборкой дома.

Эллен была подругой Дианы Пэриш, и, несмотря на то что виделись женщины крайне редко, связь их была крепка ещё со школьных времён. Когда Джереми исполнился год, Эллен порекомендовала Диане в качестве няни для малыша Джейн Фрай. Уитлы продали свой дом в Лондоне и переехали на север Англии в городок Карлайл, где Эллен унаследовала отцовский антикварный бизнес и дом, в котором выросла. Переезд случился внезапно в связи со смертью отца Эллен и оставленного им завещания. Если бы не долги, в которых погрязли Уитлы из-за неудачных инвестиций главы семейства, Эллен не вернулась бы в Карлайл. В завещании её отца было указано, что дом, антиквариат и антикварный бизнес перейдут к Эллен только в случае её возвращения в родной дом. Джейн отказалась ехать в Карлайл вместе с ними. Лондон был её домом, и как бы сильно она ни привязалась к близнецам, покидать свой дом она не хотела. Таким образом, Джереми несказанно повезло. Он стал интересен хотя бы одному человеку; пусть это не мать и не отец, а всего лишь маленькая пожилая женщина с изящными руками.

Именно Джейн обратила внимание на странности, связанные с Джереми. До своего четырёхлетия мальчик вёл себя тихо и незаметно, о чём она неоднократно говорила Диане, но та всегда казалась слишком занятой, чтобы озаботиться поведением своего ребёнка. Уолден же и вовсе вёл себя так, будто у него нет ни жены, ни сына; дома бывал редко, и иной раз Джейн задавалась вопросом – знает ли Уолден Джереми в лицо? Тихий и незаметный – это ещё не приговор. Все дети разные. Именно так думала Джейн до поры до времени.

Странности начались на следующее утро после урагана. Обычно Джейн просыпалась в 7:00, приводила себя в порядок, заходила к Джереми, а затем отправлялась в столовую и накрывала ему завтрак. Джереми всегда завтракал отдельно от своих родителей, потому что они так хотели. В 8:00 Джейн шла будить Джереми, помогала ему умыться и одеться, и спускалась вместе с ним в столовую, где его уже ожидал завтрак. Джереми знал этот режим и не нарушал его, за исключением тех дней, когда болел, а болел он редко. Но то утро отчетливо врезалось в сознание Джейн и не давало ей покоя все последующие месяцы.

Её комната располагалась напротив комнаты Джереми, и он никогда не пытался войти в неё без стука. Джейн хорошо потрудились над манерами и воспитанием мальчика за те три года, что была с ним. По её убеждениям, воспитывать детей можно и нужно до пяти лет, пока их сознание податливое и гибкое. Кроме того, Джереми рос робким и замкнутым, даже деликатным, если так можно сказать о маленьком ребёнке. Он никогда не требовал к себе повышенного внимания от няни, которая и так проводила с ним почти всё время. В то утро что-то изменилось.

За окнами было ещё совсем темно. Позже, думая о случившемся, Джейн никак не могла понять, что же всё-таки заставило её проснуться. В комнате царила тишина, ураган прекратился, ветер перестал терзать оконные решетки. Сон Джейн никогда не отличался чуткостью. Несмотря на возраст, она спала крепко. И всё же, она открыла глаза резко и широко, сонливость

её как рукой сняло. Она посмотрела на часы на прикроватной тумбочке, но ничего не увидела, в комнате было темно. Тишина казалась тревожной, вибрирующей. Джейн знала, что ещё рано, может четыре, а может пять утра. Минуту она просто продолжала лежать в своей постели и смотреть на сумрачные очертания высокого потолка. Её не мучила жажда, не хотелось по нужде, она совершенно не помнила, что ей приснилось. Уже многие годы ей вообще ничего не снилось. Ничто не нарушало её покой, но сон никак не шёл. Что-то было не так. Может быть, дело в этой гнетущей, какой-то искусственной тишине, а может быть, возраст даёт о себе знать, и она, подобно многим старикам, теряет спокойствие и безмятежность сна. Вдобавок ко всему, её одолевала необъяснимая тревога, нарастающая с каждой секундой, она усиливалась и давила в виски. Джейн казалось, что за ней наблюдают, её тело не подчинялось, словно его парализовало. Кажется, это явление называют сонным параличом, и, вроде бы, Джейн даже видела когда-то довольно жуткую картину на эту тему.

В конце концов, она смогла перебороть страх и, сев на кровати, спустила ноги вниз, перебирая пальцами мягкий ворс ковра в поисках тапочек. Она протянула руку, чтобы включить лампу на тумбочке, и лицо её застыло от ужаса и изумления. Между тумбой и кроватью, где взрослый человек никогда не смог бы уместиться, сидело съёжившееся существо и слегка раскачивалось взад-вперёд, не издавая при этом ни шороха. Джейн вскрикнула и тут же закусила большой палец правой руки, прикрывая рот ладонью. Существо дернулось, и комнату осветил мягкий свет лампы.

Это был Джереми. Он поднялся с корточек, его рука всё ещё находилась возле кнопки выключателя. Лицо его было белее снега и, казалось, он был напуган не меньше самой Джейн. В тот момент самообладание покинуло её. Она уже совсем не молода и такие выходки могут отправить её на тот свет. Она была готова закричать на него, но вдруг осеклась. С ним что-то произошло. Болезнь? Кошмар? Он сильно дрожал, волосы взъерошены, на лбу проступила испарина. Мальчик подошёл к Джейн и уткнулся в её предплечье. Джейн инстинктивно обняла его, словно закрывая от чьей-то злой воли. Она изо всех сил пыталась взять себя в руки и отогнать нарастающую дурноту. Взгляд её устремился к ящичку тумбочки, где лежали её таблетки «от сердца», но Джейн боялась этих таблеток, ведь каждый раз, когда ей приходилось принимать их, в разум закрадывались липкие мысли о болезни и смерти.

– Что случилось, Джереми?! – Джейн потрогала его лоб, он оказался не горячим. Скорее, даже холодным. – Почему ты не в постели?

– Я убил...

– Кого ты убил?!

Джереми замолк. Несколько секунд он молчал, а потом тихо произнес: «Вас».

Джейн протянула руки к Джереми и осторожно усадила его на край кровати рядом с собой.

– Я не хотел. Я не мог выбраться, бежал и бежал, а сон не кончался, и всё было таким настоящим. И вы были как настоящая, а я просто... Я не хотел! Не мог убежать, и прятаться было нелегко. Я ничего не мог сделать, это всё просто происходило со мной...

– Это всего лишь сон, Джереми. Иногда людям снятся нехорошие сны, но они нереальны. Помнишь, я читала тебе сказку о спящей красавице?

– Да.

– Так вот, ей тоже снились сны. Хорошие и плохие, множество различных снов, но, в конце концов, она проснулась и поняла, что всё это время спала, а сны – это не по-настоящему.

– Я не мог проснуться. Это было так долго. Я убил, и это казалось настоящим. Всё было как настоящее!

– Присниться может всё что угодно. Все это происходит только в твоей голове. Я жива, сижу рядом с тобой, посмотри на меня! Всё в порядке.

Она погладила Джереми по волосам. Он поднял голову и посмотрел ей в лицо, и снова Джейн почувствовала страх, резкий, как укол в палец. Дети никогда так не смотрят – пристально, по-взрослому. Таблетки в ящике становились всё более желанными, а происходящее начало напоминать её собственный ночной кошмар. Но ведь у неё не бывает кошмаров, не бывает вообще никаких снов.

– Давай-ка я отведу тебя в твою комнату, и ты ещё немного поспишь. И я тоже. Из-за этого урагана всем не по себе.

– Вы боитесь меня? – спросил Джереми, продолжая вглядываться в лицо Джейн, словно увидел в нём что-то новое, интересное.

– Что? Нет! Я не ожидала, что ты будешь сидеть тут в темноте. В следующий раз, если тебе приснится кошмар, просто позови меня.

– Вы боитесь.

Несколько секунд он просто продолжал смотреть на неё – бледную и растерянную. От обычной строгости и собранности Джейн почти ничего не осталось. Затем он улыбнулся ей, и взгляд его стал обычным, невидимая тень снова исчезла с его лица.

– Не нужно.

– Что не нужно?

– Не нужно бояться. Ваше сердце...

– Откуда ты знаешь про моё сердце?

Джереми пожал плечами. Он всё ещё был бледен, но напуганным больше не казался.

– Я отведу тебя в твою комнату, – медленно произнесла Джейн голосом, не терпящим споров, голосом которым она ещё ни разу не говорила с ним.

Джереми взял её за руку, и они направились к двери. Он обожал держаться за изящные руки Джейн, и когда они прогуливались по Холланд парку или в магазины, он не отпускал её руку ни на мгновение. Это раздражало Джейн, но, разумеется, она никогда не подавала виду. Сейчас это не просто раздражало её, она боролась с желанием вырвать руку и оттолкнуть его от себя как можно дальше.

– Мне приснилось ещё кое-что, – сказал Джереми, когда Джейн накрывала его плюшевым одеялом с разноцветными дельтапланами на нём.

– И что же?

– Какая-то девочка, я её не знаю. Она была не похожа на остальных. Её я тоже убил. Джереми зевнул и повернулся на бок спиной к ней. Казалось, его больше ничто не беспокоило, и он снова был готов погрузиться в мир затейливых сновидений.

Джейн в очередной раз подумала, какой он умный для своего возраста, хоть и не испытала особой гордости по этому поводу. Не зная, что ответить, она молчала, думая лишь о том, чтобы поскорее вернуться в свою постель, предварительно закрыв дверь на замок, и провалиться в сон.

– Извините, что вошёл в вашу комнату без стука. Я знаю, что так нельзя делать, но мне было страшно. Я хотел убедиться...

– Что я не умерла?

– Да.

– Тебе нужно поспать, Джереми. Когда ты проснёшься, твой кошмар забудется. Это всё ураган, он всех очень напугал.

Джереми уснул быстро и без всяких проблем. Что бы ни снилось ему этой ночью, оно его измотало. Джейн посидела с ним ещё пять минут и, убедившись, что мальчик крепко спит, вышла из комнаты. Только плотно закрыв за собой дверь, она почувствовала себя спокойнее. С этим ребёнком что-то не так. Она всегда это знала, но отгоняла от себя дурные необоснованные предчувствия. Его странное спокойствие, отчужденность, замкнутость, интеллект, который всегда прятался в его недетских глазах, а теперь и вовсе какая-то чертовщина. Она вспом-

нила Флют – толстую, пушистую кошку хозяйки, та впадала в ярость, лишь завидев Джереми поблизости. Кстати, когда она в последний раз видела в доме кошку?

Флют любили все, кроме Джереми. И эта нелюбовь была у них с взаимной. Все, кто когда-либо гостил у Пэришей, считали Флют милейшим созданием. Когда другие дети приходили к Джереми, Флют не проявляла к ним никакой заинтересованности или агрессии; к слову, Джереми вёл себя с ними точно также. Даже, когда Джереми был младенцем, Флют шипела и рычала на его детскую кроватку. Она не пыталась запрыгнуть внутрь кроватки и навредить ребёнку, но, если они с Джереми оказывались в одном поещении, Флют надувалась и начинала шипеть. Джейн отмечала, что Флют в присутствии Джереми никогда не засыпала. Диана запрещала сыну подходить к кошке, так как несколько раз Флют довольно сильно исцарапала его, и бог знает, что ещё могла бы сделать, если бы её буквально не оторвали от мальчика. Но о том, чтобы избавиться от кошки Диана и слышать не хотела. Флют была единственным существом, которое вызывало у этой женщины тёплые чувства и робкие позывы к каким бы то ни было проявлениям заботы и нежности. Джейн приходилось следить, чтобы Флют и Джереми не сталкивались лишний раз, благо, это было нетрудно в большом доме.

Джейн и сама не понимала, с чего вдруг в такую рань её понесло искать по всему дому кошку вместо того, чтобы вернуться в постель под тёплое одеяло. Миски с кошачьей водой и едой вчера вечером остались нетронутыми, а Флют никогда не ущемляла себя в еде. «Дом большой, – успокаивала себя Джейн. – Кошка просто испугалась урагана и где-то спряталась».

Спустившись вниз по лестнице, она прошла через гостиную и столовую, намереваясь отыскать Флют в её излюбленном закутке. С каждым шагом её всё больше и больше одолевала дурнота, к горлу подступал кислый ком, она пожалела, что не выпила свои таблетки. Дом Пэришей спал, но нечто внутри него бодрствовало. Джейн казалось, что даже воздух вокруг изменился, стал гуще. Ей представлялась какая-то тревожная сущность, что не ведала покоя и блуждала по дому невидимой волной, переливалась из одной комнаты в другую, накрывала собой всех спящих обитателей дома, буйствовала, разрушала, уносила. Что разрушала? Что уносила? Мысли Джейн становились всё более сбивчивыми и бессмысленными. «Как они все могут спать, когда здесь витает это чудовищное нечто?» Женщина уже не шла, а почти бежала насколько ей позволял возраст. Холодно и страшно. Но это не тот страх, от которого просыпаясь по ночам в холодном поту, ощущая биение своего сердца где-то в горле. Это был другой страх, более глубинный и разрушительный. Страх перед медленно поднимающимся со дна подсознания ящика с воспоминаниями. «Смотри, Джейн, твой ящик боли уже здесь. И что же ты будешь с этим делать?» Многие годы воспоминания не тревожили её, а теперь они возвращаются, вот прямо сейчас. И сердце её не болело уже очень долго, таблетки в ящике лежали нетронутыми, лежали там на всякий случай. «Нужно найти кошку, – звенело в её голове. – Если с ней всё в порядке, значит ничего страшного не происходит».

Флют выбрала свое собственное место в доме, и найти её никогда не составляло труда. Это была старая ванная, неотремонтированная и покинутая обитателями дома. Там стояла корзина для белья, которая давно не использовались, и именно на ней любила спать кошка. Пробежав по коридору, Джейн оказалась перед дверью, как обычно немного приоткрытой, чтобы Флют могла беспрепятственно выходить из своего убежища. Протянув руку к двери, Джейн внезапно остановилась, ноги отказывались её слушаться. Она услышала пение за дверью, тихое, но отчетливое, и голос был Джейн до боли знаком. Так пела её мать когда-то. И она поёт снова, прямо сейчас, за этой чёртовой дверью. Матери Джейн давно нет, она умерла много лет назад, а значит этого просто не может быть. И всё же это происходит. Голос её матери, которым она когда-то пела колыбельные для Джейн и её сестры, пока они были маленькие.

*«Сон! Сон! Поведи,
Где свет впереди.*

Там свет – в глубине,
 И – горе на дне.
 Спи, схожий лицом
 С заблудшим отцом.
 Спи, грешен, лукав.
 Спи, сыне, устав.
 Спи, нежный и злой.
 Спи вместе с Землей.
 Сон в мире большом.
 Сон в сердце твоём.
 Уж сердце полно,
 Всего, что темно.
 Так страшный рассвет
 Родится на свет.
 Он брызнет из глаз
 В положенный час. –
 Лукав и кровав. –
 И – Небо поправ». ²

Вместо того, чтобы открыть дверь ванной, Джейн захлопнула её, вздрогнув от гулко-го стука. Голова её шла кругом, тело дрожало, как от сильного озноба, она не могла заставить себя открыть дверь и войти внутрь. Мысли путались, Джейн сама себе начала ставить диагнозы, от худшего до почти безобидного. На ватных ногах она зашагала в свою комнату. Пение прекратилось, но слова колыбельной горели в сознании яркими всполохами. А затем всё прекратилось, мысли улетучились, словно их смела из её головы чья-то невидимая рука, и единственное, о чём Джейн могла думать – это всё ей просто снится. Не было больше ни страха, ни любопытства, не было вообще никаких эмоций и желаний, кроме одного – уйти отсюда поскорее и добраться до своей комнатки на втором этаже.

Проделав весь путь обратно до спальни, Джейн остановилась меж двух дверей – своей и Джереми. Очертания дома и всего, что окружало Джейн, стали размытыми и нереальными. Она всматривалась в свои ладони, будто хотела удостовериться, что они настоящие. Ей казалось, что она не властна над собственным телом, что она превращается в неодушевлённый предмет – в куклу, или пупса. Она чувствовала, что тупеет: мысли не могли пробиться сквозь невидимый барьер её сознания. Всё же, она понимала, что происходит какая-то дикость, что-то заставляет её разум отключаться, поработает её. Только войдя в спальню и закрыв за собой дверь, она ощутила некое подобие спокойствия – она выполнила то, что от неё требовалось. Убралась с глаз долой, отступила перед этой блуждающей по дому стихией. Джейн признала поражение. Её воля была подавлена силой, которой она не способна противостоять. Тряпичная кукла – вот она что. По дому блуждал кукловод, он заставил её вернуться в комнату, его сила блокировала все её мысли и чувства. Он пел ей колыбельную голосом её матери. «Я схожу с ума. Боже всемогущий, я же совсем рехнулась!»

Никогда ничего подобного с Джейн Фрай не происходило, она это понимала, хоть и смутно, потому что никак не могла сосредоточиться на своих мыслях. Сердце её болело, будто, та же невидимая рука кукловода теперь сжимала грудную клетку, сдавливала её, а боль в висках пульсировала с такой силой, что Джейн, покачнувшись, медленно сползла по двери на пол. Держась за сердце, она попыталась привести мысли в порядок. За окном уже занимался рассвет, все звёзды исчезли, но в спальне всё ещё густел сумрак. «Всю неделю будет лить дождь,

² Уильям Блейк: «Колыбельная».

– подумала она и снова ощутила, будто какие-то важные мысли блокируются, ускользают от неё, заменяются бессмысленными».

Кое-что ей всё же удалось удержать в голове, что-то неоформленное и сумрачное, одну только мысль и мысль эта была о Джереми. «Чертовщина» – подумала она, прежде чем успела осознать, что уже лежит в своей постели, с головой укрывшись одеялом, как в детстве. Ноги как ледышки, а руки сжимают серебристую конвалюту с таблетками.

Джейн не знала, приснилось ей всё это или нет. Она знала только, что в тот день пропала кошка Дианы Пэриш, её долго искали, но так и не нашли.

Глава 3. Воспоминания о маленьких шалостях

Джейн выросла в бедной семье – каждый пенни на счету. Родителям было не до обучения детей, она так и не смогла получить образование. Однако она прочитала множество книг, выучила два языка, пока работала четыре года в семье французов, и два года в семье испанских эмигрантов. Было время, она едва не породнилась с аристократической семьёй, впрочем, она старалась не вспоминать ту давнюю историю.

В юности ей пришлось работать сиделкой у пожилого парализованного доктора философии, она ловила каждое его слово, прочла все его работы и всё то, что он рекомендовал ей прочесть. Этот больной злобный старик пытался взрастить себе на склоне жизни достойного собеседника, чтобы было не так уныло коротать вечера в своем пустом доме. Он был никому не нужен и всеми покинут. У него была только Джейн, то ли от скуки, то ли от безысходности, он взялся её учить. Джейн оказалась способной ученицей.

Да, у Джейн Фрай никогда не было диплома о высшем образовании, но необразованной её нельзя было назвать. Тем более, нельзя было назвать её глупой. Именно потому она никому не сказала ни слова о случившемся с ней и Джереми.

Прошёл почти год, с началом осени Джейн вновь стала одолеваять необъяснимая тревога. С каждым днём эта тревога нарастала и крепла, и, в конце концов, миссис Фрай сделала своё собственное, только ей понятное умозаключение. У неё всегда была хорошая интуиция, то пресловутое шестое чувство, которое вместе с интеллектом и проницательностью не раз выручало Джейн в самые напряжённые моменты жизни.

Приближался день рождения Джереми, Джейн была уверена, что этот день не сулит ничего хорошего. Она хотела бежать подальше от Пэришей, их дома и их единственного ребёнка, чтобы никогда больше не видеть его бледное точёное лицо и не ощущать на себе его тяжёлый, недетский взгляд. Разумеется, она, пытаясь размышлять здраво, приписывала страхи своему воображению. Она наблюдала за ним исподволь, читая книги при мягком свете настольной лампы, – Джереми выглядел, как самый обычный ребёнок.

Он всегда был немного странным, замкнутым и развитым не по возрасту, но после того урагана он стал совсем другим. Раньше она не боялась его. Он был молчаливым, оторванным от мира, не привязанный ни к кому, кроме неё, но всё же это был ребёнок.

Она отлично помнила его прошлый день рождения. Помнила, как ощущение вибрирующей тревоги разбудило её в темноте, когда Джереми вторгся в её комнату и сидел на корточках возле её кровати, не издавая ни звука, смотрел, как она спит, смотрел на её лицо. Джейн знала, как причудливо и страшно порой выглядят лица спящих людей в темноте.

Однажды, когда она была ещё совсем девчонкой лет шести, она заболела гриппом и подолгу лежала ночами без сна. Кожа её болела, лоб горел, а к вечеру добавлялись лихорадка и озноб. Сестра, переболевшая гриппом ранее, спала на соседней кровати в их общей маленькой и скудно обставленной комнатке. Тогда-то Джейн и увидела, каким жутким казалось в темноте лицо её спящей сестры. Лицо монстра, а не человека. И оно, милостивый боже, менялось. Эта страшная маска на месте красивого личика словно двигалась, изменялась, скалилась и ухмылялась. Кто лежит на кровати вместо её сестры? Кто мы есть, когда мы спим? Что за монстры выходят из наших душ, пока разум занят причудливыми сновидениями? В одну из ночей она, сжигаемая болезнью, покрытая испариной, поднялась с кровати и подошла к постели сестры. Сев на колени рядом с кроватью, она приблизилась вплотную к её лицу и лишь тогда смогла разглядеть знакомые черты её родной сестренки. Ослабленной рукой она легонько дотронулась до лба, носа и щеки сестры – всё было таким же, как всегда. Это всего лишь её сестра Молли, а никакой не монстр. Джейн вернулась к своей измятой постели, легла и, несмотря на сильный жар, пришедший на смену ознобу, накрылась одеялом с головой. Больше

она никогда не смотрела на лица спящих людей в темноте. Иногда ей хотелось спросить Джереми, каким он видел её лицо тем ранним утром, пока она спала. Что за демоническую маску увидел тогда Джереми. Прикасался ли он холодными пальцами к её лицу, чтобы удостовериться, что это его няня спит в своей кровати, а не жуткий монстр, злобно ухмыляющийся окружающему мраку. Мысль о том, что Джереми мог прикасаться к её лицу, пока она спала, заставляла Джейн содрогнуться. Не от страха, скорее от отвращения. Думать об этом ей не хотелось и, само собой, она была уверена, что никогда так и не спросит Джереми, каким он видел тогда её лицо. Но она спросит. Перед своей смертью Джейн спросит его об этом. И он ответит ей.

Размышляя о приближающемся дне рождения Джереми, Джейн вспоминала, как он сказал ей, что увидел во сне прошлогодней ураганной ночью. Она думала об этом всякий раз, когда Джереми пристально смотрел на неё или брал за руку на прогулке. Она была почти уверена – Джереми знал, каких невероятных усилий стоило ей не отворачиваться от него, когда он начинал играть с ней в гляделки. Каких усилий ей стоило не отдергивать руку, когда он осторожно и почти вежливо дотрагивался до неё. Что-то мимолётное проскальзывало в его чертах, изгибе рта, прищуре глаз, и Джейн каким-то образом знала, что Джереми всё понимает. Однако она также знала, чувствовала, что до конца понять её Джереми не может. И то же шестое чувство – это могло быть только оно, подсказывало, что Джереми не может понять и прочитать её до конца только по одной причине. Джейн не видела снов. Уже много лет её ничего не снилось.

В тот день, год назад исчезла кошка Дианы Пэриш. Перевернули весь дом, обошли все ближайшие переулки, даже вывесили объявление о пропаже с просьбой вернуть животное за вознаграждение. Диана не скупилась на истерики. Уолден Пэриш сначала язвительно посмеивался над женой, потом всё чаще начал громко и даже в присутствии посторонних посылать её «к чёрту с её паршивой кошкой». Только Джереми выглядел абсолютно счастливым. Как будто все невзгоды семьи обходили его стороной, и ему не было никакого дела до этой самой семьи.

Она не могла забыть, как однажды во время прогулки Джереми кормил голубей хлебными крошками. Он делал это машинально, мысли его блуждали где-то далеко, и Джейн спросила его, в чём дело. Тогда он окончательно разрушил её хрупкие надежды полюбить его, перестать отталкивать от себя, хотя, вполне возможно, Джереми именно этого и добивался. Безо всяких эмоций он ответил ей, что хочет жить отдельно от родителей, потому что от матери постоянно разит виски, а отец перетрахал столько женщин, что наверняка подхватил какую-то заразу. «Они оба мне противны. А ещё я удивлен, какую силу имеют деньги и какими доступными могут быть женщины». После чего он улыбнулся и добавил: «Я рад, что вы всегда знали себе цену. Тем более, глядя на моего отца, я думаю, что с некоторых богатеев надо брать втридорога». Эти слова настолько ошарашили Джейн, что она выронила свой чёрный зонт, сумку и остатки сладкой булочки, предназначавшейся птицам, размахнулась и ударила Джереми по щеке своей изящной ладонью. Осознание сделанного пришло не сразу. Негромкий шлепок, казалось, оглушил голубей, они как по команде оставили драгоценные крошки на влажном тротуаре и разлетелись в разные стороны подальше от странной парочки.

Она ударила его не от обиды и злости. То, что прозвучало из уст мальчишки, совершенно не вписывалось в её представления о детях, жизни, рациональном порядке и ходе вещей. Она не хотела его наказывать, примитивно и глупо отомстить, поддавшись сиюминутному порыву, или поставить на место. Скорее, она пыталась как-то отогнать, стряхнуть, смахнуть всё странное, ненормальное, пугающее, иррациональное, что было в нём. Если Джейн было холодно, она закрывала окно или укрывалась одеялом, если её мучила жажда, она выпивала стакан воды, если шёл дождь, она открывала зонт. Но она понятия не имела, что делать с Джереми. В тот день он застал её врасплох, атаковал безжалостно и внезапно.

Да, это был тот момент, пожалуй, второй или третий момент в жизни Джейн, когда она дала волю чувствам и поддалась сиюминутному порыву. С того дня Джереми раз и навсегда взял верх над ней. Они оба это понимали. Её несдержанность послужила равнодушным рукопожатием двух враждующих империй, заключивших дипломатическое соглашение о ненападении и сотрудничестве, когда того потребует одна из сторон соглашения, конечно же этой стороной всегда будет только Джереми.

Она знала его секрет. Джереми – никакой не ребёнок, ему чужды детские чувства и переживания, чужда детская наивность и хрупкость, чужда привязанность и любовь к родителям. Самое жуткое, что Джейн видела в нём, с каким равнодушием он говорил или совершал по-настоящему злые слова и поступки, не испытывая при этом ни гнева, ни злости, не испытывая вообще ничего, кроме, возможно, любопытства.

Да, Джереми очень любил экспериментировать с людьми. Дети – сверстники не интересовали его, а вот взрослые, безусловно, будоражили его воображение. Джереми нравилось манипулировать людьми, он быстро научился как правильно это делать и делал с удовольствием. Хотя, в общем-то, все дети, так или иначе, манипулируют взрослыми, особенно своими родителями, но Джереми – совсем другой случай. Он никогда не устраивал скандалы в магазинах по поводу игрушечного робота или шоколадной конфеты, не кричал и не плакал, чтобы получить желаемое. Но он делал такие вещи, от которых у многих людей зашевелились бы волосы на голове. К слову, однажды произошел интересный случай в доме Пэришей.

Как-то раз Джереми совсем ненадолго остался наедине с очередным приятелем своей матери, тот был изрядно пьян и попытался начать с ним дружеский разговор. Он полагал, что говорит с наивным пацаном. Будь рядом Джейн, она предотвратила бы неприятный инцидент, но, к несчастью, Джейн рядом не было.

Джереми всегда забавляло, когда взрослые начинали с ним сюсюкаться, как с маленьким ребёнком, и он подыгрывал им весьма правдоподобно, но в тот вечер он был не настроен кому-либо подыгрывать. Изобразив дружелюбную улыбку, он сказал лишь, что, если «сэр» не уберётся из этого дома раз и навсегда, он превратит его жизнь в сущий кошмар. В доказательство своих слов Джереми начал плакать на глазах у опешившего мужчины, и выглядело это настолько искренним и настоящим, что незадачливый любовник Дианы Пэриш поспешил убраться из дома, больно ударившись коленом о журнальный столик. Через несколько недель молодой человек пришёл снова, на этот раз трезвый и уверенный в своём превосходстве. Джереми вопросительно взглянул на него через плечо – он сидел в гостиной и без особого интереса смотрел «Логово Дьявола» 1963 года. Мужчина пригрозил ему пальцем и посоветовал идти в свою комнату играть в игрушки, иначе он всё расскажет матери, и Джереми будет наказан. То, что произошло потом, незадачливый гость не мог объяснить никому, даже самому себе. Он лишь помнил, как мальчишка улыбнулся ему хитрой улыбкой Гринча и подмигнул. «Смотри», – сказал он, а после закрыл свои глаза ладонью.

Назойливый шёпот зазвучал со всех сторон и одновременно в голове гостя. Хвататься за голову и закрывать ладонями уши было совершенно бесполезно, он уже падал куда-то, нёсся с огромной скоростью, вниз, вниз, к ядру Земли, вниз, к самому дьяволу. Когда-то давно лет в тринадцать Майкл Калхоун впервые покурил марихуану, выпив перед этим три пинты крепкого пива и тогда он ощутил нечто похожее. Повалившись на спину, он смотрел в чёрное небо и нёсся куда-то с невероятной скоростью, не в состоянии остановиться. Всё вокруг кружилось, тело вибрировало, а кожа на лице словно обмазана эвкалиптом.

Шёпот прекратился. И падать стало совсем не страшно, даже приятно. Чертовски весело, можно сказать.

«Поднажми, Майки! Выдави из этой крошки все 170, давай Майки! Яхуууу!» – Слова его старого друга, почти уже позабытые слова. Они любили машины, быстрые и мощные. И на этих машинах они силились когда-то обогнать время, обхитрить его и навсегда остаться моло-

дыми. Давным-давно они думали, что никогда не умрут и можно мчаться на машине по ровной трассе с огромной скоростью, потому что они молоды и неуязвимы для всех столкновений и крушений. Как же давно это было. «Давай, поднажми, Майки! Давай, давай, давай!»

Падение прекратилось, но выброс адреналина и эйфория были настолько сильны, что Майкл Калхоун всё ещё чувствовал, как громко и часто колотится его сердце, как и в тот раз, когда он впервые обкурился травой. Следующее, что он помнил – как оказался не в доме Пэришей, а в просторной светлой комнате с белоснежными гардинами на окнах. В глаза бросилась огромных размеров кровать, на ней могли бы с удобством расположиться человек пять. Полупрозрачная вуаль на окнах плавно отступала в сторону, освобождая путь ласковому бризу и запаху моря, который распространялся по комнате невидимым облаком и приятно щекотал ноздри. Майклу нравилось находиться в этой светлой комнате и вдыхать ароматы своего детства. Он вырос на побережье, и всё его отрочество прошло рядом с бурным солёным морем. Но здесь пахло не только морем, комната была переполнена самыми разнообразными запахами его детства и юности. Это были полузабытые, даже полумифические ароматы, они будоражили, вызывали восторг, опьяняли. Здесь пахло всеми утраченными и позабытыми детскими артефактами. Пахло его пыльным чемоданом с комиксами. Под увесистой стопкой древних помятых комиксов когда-то лежали журналы интересного содержания, надёжно спрятанные от родительских глаз. Эти журналы тоже пахли, не так как комиксы, по-особенному. Это был терпкий запах тайны, сладковатый мускусный запах незрелой прыщавой похоти с лёгкой примесью кисловатого запаха стыда. Он жадно вдыхал ароматы лимонада и миндального печенья, гренков с клубничным джемом, древних толстых энциклопедий его деда, дряхлого размалёванного шариковой ручкой письменного стола, за которым он делал уроки, жёлтых и красных листьев, налипших на подошву его любимых кроссовок.

Когда-то давно вблизи моря он играл с друзьями, расставлял сети для медуз, ловил крабов. Рядом с морем он бродил в одиночестве, радовался или грустил, рядом с морем он первый раз занимался сексом с рыжей девчонкой по имени Флоренс. Флоренс разрешала ему всё, ведь для неё это был не первый, не второй и не третий опыт. Она была открыта и дружелюбна со всеми мальчиками, которые покупали ей милые безделушки или могли раздобыть её любимый сливочный ликер. Угловатая пятнадцатилетняя шлюшка Флоренс с озорной улыбкой и неизменными синяками на веснушчатом лице. Говорили, что она жила в бедном квартале в обшарпанной квартире с отцом, который беспробудно пил, и каждый день отвешивал ей оплеухи. Ничего серьёзного, но иногда она пропадала на несколько недель, и все понимали, что Флоренс на этот раз сильно досталось. Майклу было всё равно, он забросал её самыми разнообразными безделушками и напоил самым вкусным сливочным ликёром, достать который оказалось очень непросто, но он достал. С одержимостью исследователя он вдыхал запах её рыжих волос, наслаждался видом её стройного ещё не до конца оформившегося тела, целовал её маленькие груди, нетерпеливо раздвигал её длинные ноги. В четырнадцать лет Майкл Калхоун познал крайнюю степень открытости и дружелюбия Флоренс. И по прошествии стольких лет, прямо сейчас в этой светлой комнате он снова чувствовал её запах. Запах Флоренс был везде: в воздухе, в его одежде, на его коже, повсюду. Воспоминания о Флоренс накрыли его мощной волной. Он хотел её, возможно, он даже любил её, в четырнадцать лет сложно прочувствовать разницу между любовью и похотью. И сейчас ноздри, казалось, полностью заполнились запахом её тела, волос, её дешёвых духов и даже запахом её трусиков, которые он сдёргивал с неё когда-то нетерпеливыми непослушными пальцами, на заднем сидении отцовского форда. Вожделение нарастало с каждым вдохом и выдохом. Её гибкое тело, её нежная кожа, веснушки на щеках, синяки и ссадины, её огромные зелёные глаза и её стоны... Сильное возбуждение, жар и томление стали почти осязаемы. Он закрыл глаза и почувствовал на себе две пары тоненьких женских ручек. Он знал, что это не руки Флоренс, потому что Флоренс уже нет в живых, её отец позаботился об этом, а вскоре и сам сгнил в тюрьме. Но это и к лучшему. Флоренс – это прошлое. А эти неж-

ные ручки на его теле явились из мира его желаний и грёз, и ласкали его так, как не ласкала ни одна женщина. Почти одуревший от похоти, он открыл глаза и увидел их. Дыхание сделалось тяжелым и неровным, потому что он смотрел на самых прекрасных женщин на свете. Это были не дешёвые крашенные блондинки с перекаченными сиськами из его подростковых туалетных грёз. Это были падшие ангелы и, глядя в их сияющие порочные глаза, ему была ясна причина их грехопадения. Их было две, одна прелестнее другой. Та, что ласкала его слева, обладала нежной кожей, похожей на домашние сливки, волосами цвета горчицы и телом, от которого невозможно отвести взгляд, настолько идеальны были его линии и изгибы. Её лицо светлостью, а зелёные глаза были так похожи на глаза Флоренс, может, это и были глаза Флоренс. Та, что ласкала его справа, была смуглой, ласки её были жестче и настойчивее, так ласкала его когда-то Флоренс – грубовато, дерзко и по-детски настойчиво. Майкл Калхоун расстегнул рубашку, снял джинсы. Женщины стояли перед ним, обнажённые и прекрасные. Они ласкали его и друг друга, их совершенные тела соприкасались и создавали затейливые геометрические фигуры, их кожа – светлая и смуглая словно светилась в лучах заходящего солнца. Где-то вдалеке он слышал шум волн и крик чаек.

Несостоявшийся любовник Дианы Пэриш так и не смог объяснить почему, когда Диана и Джейн вошли в гостиную, он стоял посреди неё с расстёгнутой рубашкой и спущенными штанами. Джейн уронила поднос с чаем, Диана в свойственной ей манере закатила скандал. Джейн быстро увела Джереми в его комнату, а Майкл Калхоун больше никогда не появлялся в доме Пэришей. Вряд ли он вообще появлялся где-либо в Лондоне после этого. Диана тот случай замяла.

О дальнейшей судьбе незадачливого гостя ничего не известно. Пройдёт немало времени, прежде чем Джереми расскажет о том, что же на самом деле случилось с Майклом Калхоуном.

Джейн догадывалась, что Джереми каким-то образом причастен к этому случаю, и не так уж всё ясно и очевидно в этом происшествии. Она слышала крики Дианы в гостиной, слышала, как оправдывался Майкл Калхоун, кричал, что всё дело в мальчишке, но как-то путанно и неуверенно, и Джейн понимала, что именно он пытался объяснить Диане. «Я не понимал, что делаю. Я словно провалился куда-то. Всё это произошло не по моей воле. Я вообще был не здесь!». Джейн почему-то поверила Калхоуну. Ей было немного знакомо это ощущение. Но лишь немного. Потому что Джейн не видела снов.

После инцидента со спущенными штанами Диана пригласила дорогого и модного детского психолога. Уолден ничего об этом не знал. Его практически не бывало дома, зато в доме бывали его деньги, которыми Диана распоряжалась, как считала нужным. Уолден успешно откупался от обязанностей мужа и отца, и Диану это вполне устраивало. Джереми же был в полнейшем восторге, когда ему сообщили, что он будет беседовать с детским психологом. Джейн знала, что это плохая идея. Она намекнула об этом Диане, но та не сочла нужным прислушиваться к какой-то няньке. Все попытки Джейн обратить внимание Дианы на поведение Джереми оставались неслышанными или отвергнутыми. С посторонними Джереми вёл себя как обычный ребёнок. И только с Джейн он позволял себе быть настоящим. Ей это совершенно не льстило, иной раз она думала, что повредила рассудком или заработала себе пресловутый старческий маразм. Рассудок слабее сердца, поэтому сердцем она всё же понимала, что дело не в ней, а в нём. Попытки Джейн отговорить Диану от идиотской затеи с психологом не увенчались успехом. Иногда Джейн думала, что понимает, для чего и зачем Диана делает то, что делает. Порой ей казалось, что Диана прекрасно знает, что представляет из себя её сын. Ей казалось, что Диана отвлекала Джереми, находила ему человеческие игрушки, уводила его внимание от себя и своих любовников, а временами Джейн думала, что она тоже всего лишь одна из таких игрушек для мальчика, которого просто нужно отвлечь.

После первого сеанса нарочито дружелюбный психоаналитик заявил, что у ребёнка есть проблемы с общением и социализацией. Джейн было смешно. Мысленно она уже жалела этого

розовощекого пухляка с благодушной улыбкой баптистского священника. Но этот пухляк был весьма востребован у респектабельных мамаш с толстыми кошельками, а Диана была как раз одной из таких мамаш.

После второго сеанса он выглядел смущённым и слегка взъерошенным. Щёки его, и без того розовевшие сытостью и благополучием, приобрели пунцовый оттенок. Несмотря на настойчивые приглашения Дианы, на обед он не остался и поспешил покинуть дом, ссылаясь на чрезмерную занятость. На этот раз психолог не проронил ни слова об эмоциональном состоянии Джереми.

Третий сеанс психоанализа стал последним. Джейн знала, захоти, он мог бы ещё долго вытряхивать деньги из Дианы, но он не захотел.

Спустя некоторое время Джейн узнала, что лондонский гуру детского психоанализа – мистер Джейкоб Эйбрамсон – внезапно прекратил свою практику. Он также сорвал все возможные сроки издания своей очередной книги с претенциозным названием: «Дети – будущее наших надежд, или отражение наших разочарований?», после чего известное издательство расторгло с ним контракт. Эйбрамсон больше не принимал пациентов и не выезжал к ним на дом. Ещё через некоторое время Джейн узнала, что Эйбрамсон уже пару недель находится в платной психиатрической лечебнице имени Карла Теодора Ясперса. Врачи клиники не имели права разглашать журналистам причину болезненного состояния мистера Эйбрамсона, но, разумеется, информация чудесным образом просочилась в местные СМИ. Несколько раз Эйбрамсон пытался наложить на себя руки, вел себя буйно и постоянно твердил, будто ему нельзя засыпать. Помимо симптомов шизофрении и острой паранойи врачи обнаружили у мистера Эйбрамсона нарколепсию³. О больном психоаналитике вышла небольшая статья в «The Independent» с короткой заметкой о его супруге. Миссис Эйбрамсон утверждала, что у её мужа никогда не было никакой нарколепсии. Позже в «The Sunday Times» вышла довольно большая статья, затрагивающая имя Джейкоба Эйбрамсона под названием: «Зачем нашим детям мозгоправы?»

Был ещё один случай.

Питер Олдридж – долговязый худощавый очкарик всего на пару месяцев старше Джереми. Мать Питера иногда приводила его в дом Пэришей, и дети играли, пока их матери увлечённо о чём-то беседовали за стаканчиком виски. Джереми никогда не проявлял агрессии к своим сверстникам, если мамы притаскивали своих детей, он терпел их присутствие, играл с ними, дурачился, вёл себя как обычный ребёнок. Обычный ребёнок, которому немного скучно, но не более того. Поэтому случай с Питером Олдриджем удивил и не на шутку обеспокоил Джейн.

Это произошло незадолго до Рождества.

Уолден, как обычно был в отъезде, намереваясь, приехать только к празднику. Джейн вернулась в свою маленькую квартирку в Камдене, чтобы подписать и отправить почтой праздничные открытки немногочисленным родственникам, оплатить накопившиеся счета за квартиру и справить Рождество в благословенном одиночестве вдали от Пэришей. Муж Джейн – мистер Бенджамин Фрай – уже восемь лет покоился на Кенсал Грин, что можно считать одним из немногочисленных достижений мистера Фрая. Он всегда хотел упокоиться на одном из лондонских кладбищ магической семёрки⁴, где некогда был похоронен его дед – не очень известный, если не сказать совсем неизвестный английский поэт патриотической направленности, и

³ Нарколепсия – редкое заболевание, основным признаком которого являются приступы неудержимой сонливости.

⁴ Магическая семёрка – это семь кладбищ, используемых жителями Лондона в XIX веке. В 1832 году Парламент принял законопроект, поощряющий создание частных кладбищ за пределами Лондона, а позже принял законопроект об окончательном закрытии для захоронений всех внутренних церковных дворов Лондона. В течение следующего десятилетия было создано семь кладбищ: Кенсал Грин, Кладбище Западного Норвуда, Хайгейтское кладбище, Кладбище парка Эбни, Нанхэдское кладбище, Бромптонское кладбище, Кладбище Тауэр Хэмлетс.

Джейн всё устроила, хоть это было и недёшево. Мистер Фрай оставил Джейн вдовой, не дожив до пятидесяти двух, и больше он не оставил ничего. Джейн была рада провести Рождество в одиночестве, провести его без Джереми и без пьяных истерик его матери. Конечно, в её крошечной квартирке не было брендовых рождественских украшений, высоченной ели у камина и шведского стола для гостей с малюсенькими бутербродами на огромных тарелках от Тиффани. Тем не менее, здесь было всё её, было тихо и спокойно, и главное – здесь не было Джереми. Таким образом, в доме Пэришей остались только Диана, Джереми, да одна приходящая домработница.

Миссис Олдридж наведлась в дом Пэришей с бутылкой ирландского виски, свежими сплетнями и близоруким сыном Питером. Женщины уединились в гостиной и оставили Питера и Джереми в малой гостиной на попечение домработницы. Невзрачная женщина по имени Кэрол (Диана никогда не нанимала молодых и красивых служанок), видя, что мальчики играют в Скрэббл, удалилась по своим делам и оставила их без присмотра. Вели они себя тихо, и, в конце концов, нянькой к ним она не занималась.

Когда миссис Олдридж, изрядно накачавшаяся ирландским напитком, собиралась домой и вызвала такси, в надежде, что по пути до дома в машине её не укачает, и виски не выплеснется наружу, оказалось, что Питер куда-то запропастился. Джереми нашли быстро, он мирно спал в своей постели, а вот Питера и след простыл. Когда Джереми разбудили и спросили, куда же делся Питер, тот ответил, что понятия не имеет.

Питера нашли спящим под лестницей. Все волосы на его голове поседел. Когда его разбудили, он не мог вымолвить ни слова. Миссис Олдридж, быстро протрезвев, долго тормозила сына, но тот был где-то далеко, на вопросы не отвечал и на все раздражители реагировал вяло и неохотно. Питера увезли в больницу. С тех пор мальчик так и не заговорил, не произнёс ни единого слова. Врачи очень долго и усердно его обследовали. Они обследуют его и по сей день. У матери Питера отпало желание посещать дом Пэришей.

Питер Олдридж не говорит до сих пор, хотя с того вечера прошло много лет. Ему не смог помочь ни один врач. Кэрол после этого случая уволили без жалования и рекомендаций. Она не стала оспаривать увольнение в суде. Через некоторое время женщина покинула Лондон, и переехала в Ливерпуль к сестре, по крайней мере, так говорила Диана.

Джейн видела связь во всех этих происшествиях, но хранила молчание. Собственно говоря, сказать-то было и нечего. Её могли обвинить в сумасшествии, с позором уволить с хорошей работы, самому Джереми могло бы сильно не понравиться то, что Джейн распустила язык. В действительности же, ей было стыдно, что однажды, обычным дождливым днём, она размахнулась и ударила Джереми по лицу. С того дня она потеряла право голоса, так она полгала. Каким бы он ни был, она его ударила, а ему всего-то четыре года. Джереми знал, как именно после той пощечины чувствовала себя Джейн. Он ничего не требовал от неё, всё, что ему было нужно, это её молчание. И, конечно же, Джейн не могла уйти от Пэришей. Это было абсолютно исключено. Он никогда не высказывал ничего подобного вслух, но и он и она просто знали это. Для них обоих это было столь же очевидно, как дважды два – четыре.

Джейн Кэтлин Фрай вела дневник. Из этого дневника и стало известно, что она восхищалась, как Джереми красиво рисовал. Она писала, что никогда бы не поверила, если бы сама не знала это наверняка, что мальчик четырёх с половиной лет рисует такие прекрасные картины. Она писала, что все его работы поразительны, но содержание некоторых из них заставляет её задуматься, какие странные мысли роятся в его голове, да и вообще, как ребёнок способен нарисовать такое? «О том, что он умеет рисовать, как взрослый одарённый художник знаю только я. Я никогда никому не расскажу об этом, потому что он этого не хочет».

Из дневника Джейн Кэтлин Фрай, 16 сентября 2001 год: «Приближается его пятый день рождения. Мне страшно».

К окончательному выводу Джейн придёт уже совсем скоро. Её шестое чувство вновь подсказывало ей, что надвигается беда.

Глава 4. Обещание

Джейн прекрасно понимала, что оказалась в весьма неприятной ситуации. Она была единственным человеком, который знал пусть не всю, но правду о Джереми. Ей одной было известно, что ему снятся странные сны, что иногда он с кем-то разговаривает во сне, а после рисует свои загадочные картины. Люди в огне, истощённый мужчина, раскинув ноги и руки парит под потолком библиотеки, две юные девочки, сидящие на широком столе, и, вроде бы, ничего особенного в этом рисунке, но глаза этих девочек вызывают безотчётный страх, желание немедленно отвернуться. Джейн находила в комнате Джереми множество рисунков объятых огнём старинного большого дома с эмблемой змеи, пожирающей собственный хвост, над входом. Попытки узнать, почему мальчик рисует эти картины оставались безрезультатными. Она единственная имела представление, на что он был способен ради удовлетворения своего любопытства. Но знать – одно дело, и совсем другое – знать и не иметь возможности что-либо изменить.

Джейн решила сохранять тайну Джереми, пока он не перейдет черту; какую именно черту и где эта черта пролегает, она не знала. Она тешила себя мыслями, что он всё-таки ребёнок, и его проделки с Майклом Калхоуном, доктором Эйбрамсоном и мальчишкой Олдриджем всего лишь проявление детской жестокости. Все дети так или иначе проявляют жестокость, они так познают мир, пробуют его на зуб, так сказать. Из последствий поступков у ребёнка складывается представление о мире, жизни и смерти. И ещё о боли. Джейн знала, что врёт себе, но так ей было проще жить. Она уговаривала себя: ведь некоторые мальчишки издеваются над насекомыми, ловят пчёл и шмелей и держат их в спичечных коробках, отрывают лапки кузнечикам и крылья бабочкам, поджигают осиные гнёзда и тому подобное. Джереми над насекомыми не издевался. Внутренний голос напоминал ей: зато он отлично повеселился с парочкой взрослых мужчин, своим сверстником и, бог знает что сотворил с несчастной Флют, ведь кошку так и не нашли. Джейн пыталась отогнать от себя плохие мысли, но они не оставляли её в покое. Наступил унылый сентябрь, настроение Джейн с каждым днём всё ухудшалось. Уолден Пэриш объявил, что 23 сентября, как раз в день рождения его сына, в дом съедется много гостей: его коллеги по бизнесу, сотрудники и близкие друзья, чтобы отметить пятидесятилетие «Parish Industrial Company». Так уж вышло, заявил Уолден, что даты празднования дня рождения Джереми и его компании совпали. Уолден был в предвкушении отличной вечеринки в кругу старых друзей и приятелей, их жён и любовниц, в общем, таких же акул, как он сам. И, конечно же, он был в предвкушении Мисси, которая придет на вечеринку в подаренном Уолденом нижнем белье. Трахнуть Мисси практически на глазах у Дианы – сама мысль доставляла ему даже большее наслаждение, нежели процесс. Ожирение и чрезмерное злоупотребление алкоголем сделали его крайне ленивым, но унижать Диану интрижками на стороне было для Уолдена чуть ли не главным удовольствием, после еды и бурбона. Ведь когда-то и Диана была всего лишь интрижкой, он не любил её, просто имел, когда было настроение и желание, а было оно часто – красоты и сексуальности Диане не занимать. Уолден никого не любил, кроме себя, и уж тем более, не собирался связывать себя узами брака с какой-то дешёвкой, хоть и весьма сочной, надо признать. Но Диана оказалась девчонкой не промах: залетела от него, шантажировала. Да ни одна сучка не смела ЕГО шантажировать! Уолдену пришлось жениться, иначе его имя трепали бы все Лондонские газеты и журналы, его репутации грозило серьёзное испытание, Уолден этого не хотел. Испытаний в его жизни и так хватало. В конце концов, он убедил себя, что брак не такая уж плохая идея, ему было уже за сорок, бизнес процветал, акции росли, чёртова репутация заставляла остепениться и завести семью, как у всех «нормальных» деловых людей. Диана была очаровательна, и Уолдену нравилось, какой эффект ЕГО жена производит на людей, на мужчин. Все эти типичные англичанки – жёны и любовницы его коллег, они такие

невзрачные, а ЕГО жена – сама красота и сексуальность. Но эта девка посмела шантажировать его, поэтому он ненавидел её и ничего не мог с собой поделать. Ему нравилось унижать её изменами, нравилось игнорировать её сына, этого маленького ублюдка. А ведь до рождения Джереми Уолден думал, что полюбит сына, ведь это ЕГО сын. Впервые увидев новорожденного, Уолден испытал лишь отвращение. Впоследствии, когда Джереми наняли няню, и Уолден практически перестал видеть и слышать ребёнка, отвращение сменилось равнодушием.

Дела у Уолдена шли хорошо, за пятнадцать лет его компания заняла ведущую позицию на рынке промышленных услуг. Кроме того, он очень удачно инвестировал деньги в недвижимость, а также владел двумя риэлтерскими фирмами в Англии, одна находилась в Челси, другая в Бангоре. Помимо всего прочего, Уолден сделал приличное состояние, играя на фондовом рынке. Умение вести дела и зарабатывать большие деньги, пусть не всегда честным и гуманным путём, внушало гордость Уолдену, но не его супруге. Семья была лишь обязательством, которое, впрочем, не слишком обременяло. С Дианой он заключил негласное соглашение: он обеспечивает её и Джереми всем, чем нужно, в обмен на невмешательство в его жизнь. Покой и душевное равновесие Уолдена складывались из постоянных интрижек на стороне, частых поездок за границу «по делам» и возможности не принимать участия в воспитании сына – для этого он и нанял многоуважаемую миссис Фрай. Такая семейная политика всех устраивала. Впрочем, Джереми никто не спрашивал, как он относится к тому, что его родители нечасто вспоминают о его существовании, но ведь он никогда ни на что не жаловался, разве что на кошку Флут, которой больше нет, поэтому никаких проблем с Джереми не возникало.

Когда Уолден объявил, что собирается устроить вечеринку в честь празднования пятидесятилетия его компании, Диана закатила грандиозный скандал. Кричала, что Уолден просто игнорирует Джереми; «вместо того чтобы праздновать день рождения собственного сына, ты притащишь в дом своих молоденьких шлюх и будешь лапать их у всех на глазах» Уолден был доволен.

Через пару дней, однако, Диана успокоилась и даже воспряла духом. За обедом, когда Уолдена не было дома, она сказала Джейн, что их всех пригласили погостить на уикенд Уитлы. Те самые Уитлы, у которых Джейн работала сначала домработницей, а затем няней мальчиков близнецов. Те самые Уитлы, которые продали свой дом в Лондоне и уехали жить в Карлайл. Диана и Эллен Уитл по-прежнему были очень близки, Эллен – единственная настоящая подруга Дианы, единственный человек, небезразличный ей. Почему Диана так привязана к Эллен, Джейн не могла понять, как ни ломала голову.

Приглашение Уитлов застало Джейн врасплох.

– Мы с Уолденом поехать не сможем, как вы понимаете. Здесь будет просто дурдом. Эллен сказала, что с удовольствием примет вас с Джереми в своём доме, где вы сможете прекрасно отпраздновать день рождения Джерри.

– А как же вы? – спросила обескураженная Джейн.

– Мне нужно остаться и организовать праздник Уолдена. Здесь очень много дел. Джерри здесь быть не нужно, вы ведь и сами это понимаете. И, разве вы не хотите увидеть Уилла и Джо?

– Я даже не знаю...

– Поезжайте, ради бога! Это всего лишь один уикенд. Я уже наняла водителя, который отвезёт вас в Карлайл и привезёт обратно.

Джейн опешила:

– Уже наняли?

– Да. Поэтому соглашайтесь, Джейн. Эллен сказала, что мальчики очень по вам соскучились. Они так подросли и так рады будут увидеть вас снова.

Джейн не знала, как ей относиться к такому повороту событий. С одной стороны, поездка в Карлайл совсем не входила в её планы. С другой – она не хотела оставаться в этом шумном доме, пропитанном скандалами, лицемерием и ненавистью. Дом Пэришей – неприятное

место. Но самым весомым аргументом в пользу поездки были мальчики близнецы. Она помнила их ещё малышами и когда работала в лондонском доме Уитлов, успела по-настоящему привязаться к детям, а они к ней. Джейн помнила их заплаканные лица, когда они узнали, что им придётся переехать из Лондона в другой город, но их няня не может с ними поехать. Их прощание было трогательным и нежным, дети обнимали её один крепче другого и просили навещать их в новом доме хотя бы иногда. Она пообещала им, что приедет, но, разумеется, так и не сдержала обещания.

Когда Уитлы переезжали, детям было примерно столько же, сколько сейчас Джереми, значит сейчас им по десять лет. Интересно, какими они стали? Маленький Джо отличался озорным нравом и прекрасным аппетитом, а вот Уильям наоборот был застенчивым тихоней и всегда оставлял недоеденной свою кашу. Хотя, дело было вовсе не в каше, любая еда вызывала у малыша Уильяма безотчётное отторжение.

Джейн сидела в гостиной, погружённая в свои воспоминания о Уитлах. Все разошлись по своим делам и, незаметно для неё самой, Джейн осталась в гостиной одна, сидя на краю вычурного бордового дивана в неудобной позе. Или всё это время она была не одна? Джереми приблизился к ней сзади и осторожно положил руку на её плечо. Она вздрогнула и обернулась. Джереми сразу убрал руку в карман и обошёл диван, чтобы она могла его видеть.

– И долго ты так простоял? – спросила Джейн, отгоняя воспоминания.

– Минут пять. У вас приступ меланхолии? – Джереми устал стоять, и сел рядом с ней.

– Я уже пожилая женщина, Джереми. Людям моего возраста это свойственно, я думаю. А ты понимаешь, что такое меланхолия?

– У нас в доме отличная библиотека, впрочем, вы это и так знаете. – Джереми достал из кармана клочок бумаги и принялся делать из него самолётик. – О меланхолии написано немало трудов. Весьма бредовых, надо сказать. Хотя, есть и занимательные экземпляры, взять, к примеру, гигантский том Бёртона «Анатомия меланхолии»⁵.

Джереми сложил самолётик и пустил его. Сделав несколько изящных виражей, самолётик опустился на пушистый ковёр и замер.

Джейн улыбнулась, глядя на самолётик, затем перевела взгляд на Джереми, и улыбка исчезла с её лица. Взгляд её выражал что-то среднее между страхом, восхищением и недоверием.

Джереми, как обычно, объяснять что-либо не собирался, просто отвернулся к окну, сделав вид, что заинтересован осенним пейзажем. Джейн снова улыбнулась, глядя теперь уже не на мальчика, а на свои тонкие руки. Мысли плавно кружились в её сознании, и все они были о Джереми. «Кем он станет, когда вырастет? Влюбится ли в очаровательную голубоглазую девчушку, когда придёт пора влюбиться? Доверит ли кому-то свои секреты, когда устанет прятаться за холодным равнодушием? Простит ли когда-нибудь родителей за то, что они не любят его?» Её медленные и такие приятные размышления оборвались на одной мысли, испугавшей Джейн: «Что он сделает с Джозефом и Уильямом, когда окажется в их доме?! На что ещё способно это чудовище? Везти его в дом Уитлов нельзя».

Джереми оторвал взгляд от окна и внимательно посмотрел на Джейн.

«Снова будем играть в гляделки», – думала Джейн. Иногда ей казалось, что он способен читать мысли.

– Что с вами такое? – спросил Джереми, и голос его выдал неподдельное волнение.

Джейн поняла, что мысли читать он не умеет. Он, наверное, умеет много чего, но не это. Сейчас он смотрел на неё растерянно, как будто столкнулся с задачей, которую не может решить.

⁵ Полное название: «Анатомия меланхолии, всё о ней: виды, причины, симптомы, прогнозы и некоторые лекарства. В трёх частях со своими секциями, разделами и подразделами. Философично, исторично. Просто и понятно».

– Что ты сделал с Питером Олдриджем?

Джереми нахмурился.

– Так вас это беспокоит? Но я ведь уже сказал, что не имею никакого понятия о том, что с ним произошло.

– Ты лжешь, Джереми.

– И что с того?

– Что тебе сделал Питер Олдридж?

– Зачем вам это?

Джереми выглядел озадаченным. Он привык к тому, что Джейн не лезет к нему с расспросами.

– Вас не Питер беспокоит, иначе вы бы давным-давно поинтересовались его судьбой. Джейн облизнула пересохшие губы, а Джереми, казалось, становилось интересно, теперь он даже улыбался.

– Что вам нужно самом деле?

– Ты прав. Я не о Питере хотела поговорить, но так уж вышло, что я о нём подумала. Я не могу допустить, чтобы нечто подобное повторилось с близнецами Уитлами, или с их родителями, или вообще с кем угодно в том доме. Ты меня понимаешь? Я вообще не хочу, чтобы это повторялось.

Джереми встал с дивана и подошёл к столу, на котором стоял графин с водой. Он налил немного воды в стеклянный стакан и протянул его Джейн.

– У вас губы пересохли. Выпейте.

Джейн послушно взяла стакан. «Дрессированная обезьянка Джейн пьёт воду», – она наслаждалась тем, что заставить её не думать он не может. Выпив воду, она протянула ему пустой стакан, и Джереми поставил его туда, откуда взял – на полированный журнальный стол из тёмного дерева, заказанный Дианой в очередном мебельном каталоге.

– Я никого там не трону, обещаю, – сказал Джереми.

Затем он повернулся, поднял с ковра свой бумажный самолётик, сунул его в карман и пошёл к двери, у самого коридорчика, ведущего в столовую, он вдруг остановился.

– Питер Олдридж получил по заслугам, он назвал мою мать шлюхой, дешёвой содержанкой с богатым прошлым. Так говорят все её подруги, а их детишки слушают и мотают на ус. Они все глупы. Так может, лучше им заткнуться?

Он повернул голову и улыбнулся.

– Вам было не просто отважиться на этот разговор, да?

Джейн молчала, и Джереми ушёл. Она снова осталась одна в гостиной, теперь уже совершенно точно одна.

Невообразимая легкость во всём теле и долгожданное умиротворение сделали её почти счастливой, как много лет назад, когда она вот так же сидела на дорогом диване в Том Доме у чужих богатых людей и слышала слова, осчастливившие её как ничто другое на белом свете. Всё, что случалось с ней до и после тех слов – всё тщета. Но сейчас она была почти также счастлива, теша себя иллюзиями, что защитила Джозефа и Уильяма от чудовища. Она верила, что Джереми действительно никого не тронет, ведь он обещал ей. Он ни к кому так не привязан, как к Джейн. У них были странные, даже болезненные взаимоотношения, но повлиять на него Джейн всё же могла. Только она и могла. Обещание есть обещание.

В мыслях Джейн пронеслись отголоски того самого счастливого дня, когда она была молода и полна надежд. «Он меня любит! Он на мне женится. Он обещал!» То было другое обещание, а потому эйфория быстро сменилась разочарованием. «Он не женился, на мне – нет».

Джейн встала с дивана, поправила своё длинное платье и слегка встряхнула головой, желая прогнать воспоминания, которые делали её одновременно и счастливой, и несчастной,

а главное – заставляли жалеть себя. Она посмотрела на диван и удостоверилась в том, что он уродливый, неудобный и бордовый, а значит она вовсе не в Том Доме. В Том Доме диваны были красивыми, удобными, пастельных тонов. В Том Доме каждая вещь была безупречной, каждый угол, каждая ступенька, каждый обитатель Дома, кроме неё, разумеется. Она единственная не вписывалась в безупречный антураж сувенирного очарования Того Дома. Но все к ней были так добры и относились как к члену семьи.

«Эти прекрасные богачи принимали меня, как родную. А потом, когда всё это случилось, готовы были разорвать на куски. А всё из-за него. Он никогда не держал своих обещаний. Он был такой... как бы это правильно сказать... такой жизнерадостный».

*«Заутра валентинов день,
И с утренним лучом,
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном.
Он встал на зов, был вмиг готов,
Затворы с двери снял;
Впускал к себе он деву в дом,
Не деву отпускал».⁶*

«Нет, я не в Том Доме. Всё это горькие воспоминания из далёкого прошлого и только. Джереми своего обещания не нарушит».

* * *

Джереми очень хотел в Карлайл, не только, чтобы быть подальше от родного дома, но и потому, что это было своеобразное приключение, коих он до сих пор был лишён. Какие могут быть приключения, когда тебе всего четыре года. Миссис Уитл позвонила и заверила Диану, что Джереми, мальчики – Джозеф и Уильям, миссис Фрай, мистер Уитл и она сама обязательно посетят Озёрный край, потому что – «это самое красивое место на Земле». Обитель и мастерская Уильяма Вордсворта и Беатрис Поттер, Джона Констебля, Уильяма Тёрнера, Сэмюэля Кольриджа, Роберта Саути и прочих лейкистов. Вордсворт был настолько влюблён в Озёрный край, что даже опубликовал собственный путеводитель по озёрам в 1810-м году. Джереми не терпелось увидеть и запечатлеть на своем маленьком холсте излюбленную Вордсвортом долину Даннердейл, но он понимал, что рисовать в Озёрном крае не сможет. Он не собирался демонстрировать посторонним людям умение рисовать, это вызвало бы много ненужных вопросов. Он знал, что Джейн видела его рисунки и помнил, в каком ужасе она была от них, но рассказать, объяснить ей, что с ним произошло год назад Джереми не мог.

Тот сон казался бесконечным, он видел столько всего: смену эпох, череду правителей, кровь, огонь, чуму и войны, и всё это показал ему он – человек из леса. Когда Джереми убил Джейн и девочку в том пустом доме, он побежал обратно в лес в слезах, в растерянности, в отчаянии. Он ведь просто дотронулся ладошкой до их лиц, а они перестали дышать, и он ничего не смог поделать, они умерли. Джейн умерла, умерла навсегда. Он бежал и бежал пока не увидел огни среди деревьев. Именно там парили те голые девочки с красивыми волосами, они напугали его, но даже они были лучше, чем смерть Джейн. Впереди Джереми не увидел летающих девочек, вместо них у костра сидели люди в лохмотьях. Он не мог понять сколько их. Спрятавшись за деревом, он стоял и смотрел на них, стараясь не шуметь.

– Ты не сможешь прятаться вечно, – услышал Джереми, и сердце его ушло в пятки.

⁶ Уильям Шекспир «Гамлет», акт IV, сцена V, песня Офелии (в переводе М. Лозинского).

Он понял, что его увидели, и хотел убежать, но ноги отказывались его слушаться, он не мог двинуться с места, не мог даже пошевелиться.

– Подойди, не бойся, – раздался голос от костра, – мы все свои здесь.

Слёзы высохли на его лице, и Джереми вновь почувствовал запахи печенья, ванильного крема и яблок в карамели – всего, что он любил. Он продолжал стоять на месте, не зная, как поступить и что делать, пока ноги сами не повели его к костру и к людям в лохмотьях. От удивления он почти позабыл про Джейн и девочку в пустом доме, он ничего не мог поделать, просто шёл к этим странным людям у костра. Он не видел их лиц, те были скрыты под широкими капюшонами, но у одного из них капюшон был откинут, и Джереми этот человек казался то старым, то молодым, то мужчиной, то женщиной, а то и вовсе кем-то бесполом. Он помахивал его пальцем, и Джереми направился прямо к нему. Человек встал со своего места, обошёл костёр и остальных людей и присел на одно колено напротив Джереми. Лицо его продолжало меняться, пока не остановилось на одном – то было лицо худого старика с глубоко посаженными глазами.

– Здравствуй, Джереми, – сказал он хрипловатым, но приятным голосом, – я искал тебя три года.

– Зачем? – только и мог выдавить из себя Джереми.

– Твоя мать спрятала тебя от меня, а дочь совсем забыла, я так страдал.

– Кто вы? – спросил Джереми и руки его будто сами потянулись к лицу старика. Он дотронулся до его лба, носа, щёк, подбородка, он не боялся этого человека, даже наоборот.

– Твой друг, Джереми. Я твой друг, и мы с тобой обязательно ещё встретимся. Ты будешь постарше, а я помоложе, вот тогда мы и встретимся.

Джереми молчал, обдумывая сказанное, а старик продолжал говорить:

– А пока я хочу, чтобы ты смотрел на мир моими глазами. Я хочу показать тебе кое-что, а ты смотри внимательно, хорошо? Смотри и ничего не бойся, я с тобой. Я теперь всегда буду с тобой, Джереми.

Мальчик улыбнулся и посмотрел по сторонам. Он больше не чувствовал ни страха, ни боли, он почти забыл про Джейн. Лес перестал его пугать, но люди у костра... почему он не может их посчитать...

– Потому что нас много – ответил старик, словно прочитав его мысли, затем закрыл его глаза ладонью, и Джереми увидел всё.

Когда он проснулся, то первым делом нарисовал то, что увидел, не всё, лишь часть, но этого было достаточно, чтобы Джейн, найдя потом эти рисунки, чуть не лишилась чувств. Потом он побежал к ней в комнату и сидел возле её постели пока Джейн спала. Его била дрожь, колотилось сердце, он пытался успокоиться, поэтому раскачивался взад-вперёд, словно маятник. Потом она проснулась, и он понял, что Джейн его боится. Почему? Он ей ничего не сделал, так почему она так его боится? Он откуда-то знал, что у неё больное сердце.

Вскоре Джереми начал тайком брать книги из библиотеки отца. Раньше он любил слушать, как читает Джейн, теперь же он сам мог читать бегло, проглатывая книгу за книгой. Он понимал всё, о чём написано в этих взрослых книгах. Он начал видеть чужие сны, а вскоре понял, что может их показывать. Он не знал, как это понял. Человек, умеющий писать знает, что может взять в руки ручку и написать что-то на листе бумаги, так и Джереми просто знал, что может показывать сны. И он знал, что в доме Уитлов, когда все будут спать и видеть сны, которые, возможно, он сам навевает им, он включит маленькую настольную лампу, достанет карандаш и хост и набросает долину Даннердейл и, быть может, она выйдет именно такой, какой видел её когда-то Вордсворт. А размеренное дыхание спящих обитателей дома сольётся в единую ночную песню, Джереми слышал её каждую ночь у себя дома. Он успел к ней привыкнуть и даже полюбить. Все домашние видели сны, придуманные им. Иногда он просто наблюдал, что видят они в своих снах. Им снились давно позабытые лица и места, слышались голоса вдалеке,

они дотрагивались до давно утерянных вещей, будь то детский медальончик его матери, серебряный портсигар, принадлежащий деду Уолдена, или распечатанный конверт без подписи из мельчайших проблесков сновидений Джейн.

Раньше Джереми вообще ничего не видел у Джейн – она единственная, кому не снились сны. И оттого он не мог показывать ей свои сновидения, она была словно отгорожена кирпичной стеной от него. Но недавно в стене появилась крошечная щель, из этой щели лился яркий свет, и доносилось неприятное мерзкое шипение множества враждебных голосов, словно шептались не люди, а спутанные змеи. Однажды Джереми подошёл и заглянул в эту щель. Сначала свет ослепил его, но потом он исчез, и стало темно, он не мог ничего увидеть, но мог слышать. Он слышал всё то же шипение и плач, ему казалось, что плачет младенец. Шипение и плач усиливались, сливались воедино, казалось, маленькая скважина в стене начала пульсировать, искривляться, двигаться. Джереми немного отстранялся от стены, продолжая вслушиваться в это странное шипение. Однажды из щели в стене потекла кровь. Её было так много, она вытекала из тёмной, почти чёрной скважины быстрой струёй, стекала вниз по стене, затем устремлялась к ногам Джереми. Он продолжал стоять на месте, заворожённо глядя на алую кровь, пытаясь разобраться, что за ад прячет от всех, в том числе и от самой себя, достопочтенная Джейн Кэтлин Фрай. Ему было жаль её. Отчасти он понимал, почему она не видит снов. Всё дело в воспоминаниях, которые она похоронила за этой стеной. Но он также понимал, что не все мертвецы остаются лежать в своих могилах, иные норовят выбраться наружу и добраться до тебя. «Бедная Джейн, я ведь мог бы помочь тебе».

Иногда он видел только распечатанный конверт без подписи, но дотянуться до него не мог. Один раз он увидел разбитую чайную чашку на полу, колечко на земле. Мать, отец и сестра время от времени проскальзывали в беспокойных сновидениях няни. Больше ничего. Джейн боролась со снами, не пускала их. Джереми невольно восхищался её силой воли. Иногда, лёжа без сна в своей кровати, Джереми глядел на далёкие звезды, слушая всё ту же ночную музыку, сотканную из дыханий и постанываний спящих обитателей дома, он мысленно улыбался Джейн. «Сегодня вновь нет снов. Молодец, Джейн. Несчастливая Джейн. Бездетная Джейн. Сколько ещё ты выдержишь?» Потом он закрывал глаза, и пел свою колыбельную для Джейн, хоть она и не слышала его.

*«Сон! Сон! Поведи,
Где свет впереди.
Там свет – в глубине,
И – горе на дне.
Спи, схожий лицом
С заблудшим отцом.
Спи, грешен, лукав.
Спи, сыне, устав.
Спи, нежный и злой.
Спи вместе с Землей.
Сон в мире большом.
Сон в сердце твоём.
Уж сердце полно,
Всего, что темно.
Так страшный рассвет
Родится на свет.
Он брызнет из глаз
В положенный час. –
Лукав и кровав. –*

И – Небо поправ».

Он пел колыбельную голосом её матери, которая однажды промелькнула в её снах и спела маленькой Джейн эту странную песню.

Глава 5. Проклинающий камень Карлайла

От Лондона до Карлайла около пятисот километров на север, городок расположен у самой границы с Шотландией. Смотреть не на что: замок да городские стены, но история у города занимательная. Славный Карлайл – «самое незаконное место на земле», когда-то давно так оно и было.

Диана заказала Джереми и Джейн машину для поездки туда и обратно. Land Rover Discovery 1998 года, водителя Диана наняла в агентстве «Кэбсити». Им оказался молодой рыжеволосый парень лет двадцати. По виду полный придурок – так подумала про себя Диана, когда увидела его.

Вещей собрали немного, ведь ехали всего на несколько дней. Джейн предвкушала встречу с близнецами, а Джереми был безмерно счастлив убраться подальше от родного дома и без конца орущей матери. Уже с раннего утра пятницы он начал собирать свои вещи и складывать их в небольшой коричневый чемодан, купленный накануне. Джереми очень нравился этот чемодан, и он с удовольствием перекладывал майки, джинсы и свитера из одного отделения в другое. В боковые карманы он положил карандаши и краски, а в средний отдел небольшой холст – он хотел запечатлеть на нём красоты Озёрного края.

Ранним субботним утром Джейн разбудила Джереми, и они вместе отправились завтракать тостами и яичницей с беконом. Джереми съел всё, не оставив ни крошки и даже взял второй тост с джемом и кружку чая, чем сильно удивил Джейн.

– У тебя сегодня прекрасный аппетит, – сказала она.

Настроение у обоих было замечательное, и то утро они провели весело и беззаботно, поглощая один за другим тосты с малиновым джемом, планируя, как проведут этот уикенд, когда окажутся в Карлайле, какие места посетят и какие достопримечательности увидят. Джейн за свою жизнь мало где успела побывать, и Карлайл не стал исключением. Всего два раза она покидала Лондон. Первый раз, когда выходила замуж её сестра Молли – она ездила во Францию в Руан и лишь один день смогла побыть в Париже, второй раз, когда женился тот, кто в её недолгие счастливые дни обещал жениться на ней, свадьба состоялась в живописной деревушке Ламберхерст в графстве Кент. Первое путешествие было суматошным и быстрым, шумным и истеричным, а второе отдавалось болью в груди и горечью во рту. Но сейчас Джейн наслаждалась приятным утром, предвкушая отличные выходные вдаль от взрослых Пэришей. Ей казалось, что и Джереми выглядел счастливым, таким она его редко видела. Они смеялись и болтали так, будто между ними нет и никогда не было никаких размолвок, секретов и недоверия. Сегодня Джереми выглядел и вёл себя, как обычный ребёнок его возраста, который радуется предстоящему приключению, хохоча и уплетая тосты джемом за обе щеки. «Сколько продлится это счастье?» Почему именно сегодня утром они оба так счастливы, Джейн не знала, да и не хотела знать. Она просто наслаждалась солнечным началом дня, впервые за долгое время она чувствовала себя комфортно, даже беззаботно рядом с Джереми.

Они взяли еду и отправились в детскую, чтобы закончить собирать вещи Джереми, «Мы словно мыльные пузыри, – думала Джейн, – весело летающие в солнечном свете, не знающие, что могут лопнуть в любую секунду, ведь жизнь мыльных пузырей прекрасна и так коротка». Такое чувство уже посещало Джейн когда-то давно. Тогда она была молода, и зрение её не подводило, а кожа на изящных кистях рук ещё не походила на потёртый и пожелтевший от времени пергамент. Тогда ей тоже представлялось, что она счастливый мыльный пузырь, парящий в солнечных лучах чужого богатого дома, вместе с другим пузырем, который никогда ей не принадлежал. Тот пузырь был выпущен на свет совсем из другой мыльной трубки, и хотя, на первый взгляд, выглядел обычным пузырьком, летал он по своему собственному дому, где всё ему было родным и знакомым, и был он не гостем в том доме, а полноправным его владельцем.

А ведь это так странно: в сущности, все мыльные пузыри выглядят примерно одинаково. Одни побольше, другие поменьше, одни ярче, другие тусклее, но все они похожи, и судьба у всех одна – полетают в воздухе несколько секунд, а потом непременно лопнут, и останутся от них только мыльные капли на полу или мебели.

Мысли Джейн оборвались, когда Джереми тронул её за плечо. Она вздрогнула и вылила на себя содержимое кружки, которую всё это время держала в руке.

– Ох! – воскликнула Джейн, – горячо!

Она вскочила с места, удивив Джереми необычайной прыткостью, и пошла в ванную за полотенцем. Ругая себя за неуклюжесть и рассеянность, она пыталась понять, чем они вызваны, и почему преследуют её с тех пор, как Диана заговорила о поездке в Карлайл. Те же воспоминания пытались атаковать её год назад, в злополучный день рождения Джереми. Но тогда они быстро отступили. Теперь она вновь видела и слышала то, чего не хотела ни видеть, ни слышать. Джейн надёжно запечатала все воспоминания о том времени, когда работала у Элмерсов, и о том, что случилось с ней в их доме – Том Доме. Каждое воспоминание кололо и жгло – страшная незаживающая язва, поэтому-то и нужно запечатывать то, что должно быть запечатано. Есть вещи, о которых нельзя думать, какими бы важными они ни были. Когда-то давно Джейн Фрай пролила столько слёз, что их хватило бы на озеро, тогда она осознала, что нужно просто забыть, спрятать поглубже и не вспоминать. Конечно, у неё получилось не сразу. Иные дни проходили тихо и спокойно, иные даже заставляли её улыбаться, но следом всегда приходили другие – они напоминали о том, что с ней сделали, о том, кто она теперь, и кем ей уже никогда не стать. Они заставляли её жалеть себя и ненавидеть весь мир, а иногда и наоборот, выкорчёвывали из неё всю оставшуюся радость и надежду и вытягивали слёзы, которых, казалось, уже не осталось. Но время сделало своё дело. Джейн с каждым годом становилась всё холоднее и спокойнее, она даже вышла замуж, не по любви, конечно, но всё же вышла, она научилась владеть собой. Возможно, она немного перестаралась, ведь она даже перестала видеть сны. Так или иначе, ей удалось запечатать свой ящик боли. Теперь же печать дала слабину, и ящик начал потихоньку открываться – со всеми этими криками, слезами и давно забытыми головами, рвущимися наружу, чтобы снова и снова обвинять, лгать, оскорблять и рвать её сердце на куски. «Всё это глупости. То, что давно ушло не имеет права на возвращение. Эта поездка взбудоражила мои старческие мозги, а, может быть, это всё из-за близнецов», – думала Джейн, застыв перед зеркалом ванной комнаты с мокрым полотенцем в руках. Джереми вернул её в действительность, постучав в дверь.

Он стоял на пороге и старательно всматривался в лицо Джейн, словно столкнулся с математической задачей, решение которой ускользало от него. Джейн улыбнулась ему, но улыбка вышла растерянной и виноватой. Своей задумчивостью она разрушила всё волшебство этого утра. Однако Джереми улыбнулся в ответ. «Похоже, сегодня он счастлив», – подумала Джейн.

– Я уже всё вытер, – сказал он, – если хотите, я принесу ещё чашку.

– Не нужно. Нам скоро в дорогу.

Она снова улыбнулась. Джереми по-прежнему внимательно на неё смотрел, но тоже улыбался ей, словно принял условия игры. «Мы будем улыбаться, и не станем задавать друг другу лишних вопросов. Как всегда».

Машина с водителем подъехала к дому Пэришей к десяти часам. К тому времени Джереми и Джейн были полностью собраны. В доме уже бушевал ураган. Диана металась из комнаты в комнату, отдавая прислуге самые различные указания. Как правило, указания эти были нелепы и абсурдны. Например, все шторы в доме необходимо было снять и повесить другие, хотя их ещё даже не доставили из ателье, все стулья должны быть убраны, а вместо них расставлены кресла и диванчики, которые Диана купила накануне в модном мебельном магазине, вся посуда должна быть из одного набора, только её ещё не успели привезти из ресторана. С раннего утра она умудрилась достать всех слуг. К полудню должен был прийти знаменитый шеф-

повар, работающий за колоссальный гонорар, и приготовить блюда из меню, которое составила сама Диана.

Джереми почти всё время до отъезда провёл в детской вместе с Джейн, но иногда он выходил, чтобы посмотреть, как меняется его дом. Перемены его не волновали, но забавляли. Несколько раз до него доносились нелестные отзывы прислуги в адрес его матери: «Долбанутая истеричка», «Вульгарная сука», «Должно быть, у неё в заднице громадное шило с бордовым наконечником». Последнее ругательство особенно позабавило Джереми. Дело в том, что его мать обожала бордовый. Бордовыми были и занавески в её спальне, и диван в гостиной, и коврик в ванной, и даже постельное бельё. Обычно в доме убиралась только одна горничная, которая приходила три раза в неделю, но сегодня его мать пригласила из агентства сразу троих. Она хотела, чтобы дом сверкал богатством и благополучием. Усилия матери преобразить дом казались Джереми смешными и бессмысленными, тот уже начинал походить на дорогой бордель со всеми этими яркими шторами, коврами, диванами и креслами, обитыми шёлком и парчой. Кичливые новые кресла, диванчики и пуфики, купленные специально для предстоящей вечеринки, стояли бок о бок с довольно-таки недурной подделкой Хэпплуайтовского пуфа и чуть менее качественной подделкой Чиппендейловского чайного сундука. Мебельная дисгармония была настолько сильна, что даже Джейн, никогда не обладая возможностью покупать антикварную мебель и посещать дорогие мебельные магазины, завидев гостиную, наморщила нос. Джереми немного расстроился, глядя на это уродство и убожество, разрастающееся не только по гостиной, но и по всему дому. Он стоял и смотрел на свою красивую мать. У бедняжки отсутствовал вкус, ей приходилось платить огромные деньги стилистам и визажистам, чтобы хотя бы внешне соответствовать положению мужа в обществе. Диана никогда не умела правильно краситься и одеваться, а за тоннами косметики и вульгарного тряпья даже самые удачные внешние данные могли затеряться.

Мысли Джереми оборвались, когда изящная рука коснулась его плеча. Джейн, как всегда недорого, но элегантно одетая, низенькая, но осанистая, стояла позади него и улыбалась.

– Ты готов?

– Я готов.

– Тогда поторопимся! Не стоит заставлять водителя ждать нас, это невежливо.

Они взялись за руки и двинулись вниз по лестнице, не обращая внимания на шум и суматоху вокруг.

Необычное утро. И Джейн, и Джереми одолевали неясные, но приятные ощущения лёгкой щекочущей вибрации. Они спустились по лестнице, держась за руки, не спеша прошли гостиную, затем холл, и направились к машине. Вокруг них словно образовалось едва заметное мерцающее поле, которое отталкивало от себя звуки, предметы и людей. Это поле не давало проникнуть ничему, что могло бы нарушить их утреннюю идиллию. Даже Диана остановилась на полпути и просто помахала им рукой, брякнув несколько прощальных напутствий. Впрочем, ни Джереми, ни Джейн её не слышали. Водитель – рыжеволосый молодой парень с лицом болвана – поспешил было забрать из рук путешественников чемоданы, но подбежав к ним на расстояние вытянутой руки, внезапно оступился и поспешил обратно к машине, чтоб распахнуть дверцу.

«Всё прекрасно. Мы едем в Карлайл!»

* * *

Поначалу Джереми пытался сопротивляться навалившейся на него сонливости. Однако ранний подъём, излишне плотный завтрак и монотонный пейзаж за окнами Ленд Ровера вскоре сломили его сопротивление. Лондонские улочки сменяли друг друга слишком быстро, и Джереми не особенно интересовался ими. Мысленно он был уже в Карлайле.

Он наблюдал, как машина свернула на Трафальгарскую площадь и поехала по направлению к Спринг Гарденс, чтобы потом свернуть на Площадь Ватерлоо, продолжить путь по Риджент-стрит и так далее, пока не выбралась на трассу М6. Вскоре Джереми уснул.

Ему снились странные сны, если это можно назвать снами. Расплывчатые образы беспорядочно сменяли друг друга. Джереми блуждал по лабиринту, которому не было конца. Он путался в картинках и обрывках фраз, лиц, рук, дверей; разбитая чашка, распечатанный конверт без подписи, неестественно яркая зелёная трава, синее небо, скрюченные сухие деревья – всё это больше походило на разрозненные обрывки чьей-то памяти. Он видел лица: красивые и уродливые, молодые и старые, приветливые и угрюмые, но смазанные они проносились перед ним со скоростью лондонского экспресса. Другие были чётче, когда они появлялись, Джереми становилось трудно дышать от безотчетного страха, вызывающего тошноту. Вот перед ним привлекательная женщина лет пятидесяти, обаятельная и ухоженная. Джереми она не нравилась. Он её прямо-таки возненавидел – спрятаться бы или убежать. Нет! Надо её избить! Кулаками по её красивому надменному лицу, выбить ей всё до единого зуба, вырвать глаза и волосы, сломать её изящный нос, ударить ногой в живот, пусть она почувствует, каково это когда тебя бьют в живот ногами! Прилив гнева и злобы сменился смятением, образ женщины растворился, вместо него появился молодой мужчина. Его черты чем-то напомнили лицо ненавистной женщины – та же порода, тот же ровный изящный нос, глубокие карие глаза, которые, казалось, всё время смеются, густые русые волосы, красивые губы, только подбородок какой-то слабый и безвольный, но это совсем не бросается в глаза. Мужчина ослепительно красив. Когда Джереми смотрел на него, то ощущал слабость в ногах и странную вибрацию внизу живота. Джереми покраснел, он не хотел ощущать никаких вибраций! Мужчина смотрел на него сверху вниз и улыбался, губы его слегка приоткрылись, глаза искрились молодостью. Вот мужчина протянул руку, чтобы дотронуться до него, но вдруг начал отдаляться, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, его протянутая рука растворилась в липком сладком воздухе. От этой сладкой вони слезятся глаза, запах лезет в ноздри, словно пытается заполнить собой все внутренности Джереми. В затуманенное сознание бросаются далёкие крики исчезающего мужчины. Расслышать его слова очень трудно, его стремительно утягивает в пропасть. Джереми хочется плакать. Нет, не плакать, ему хочется выть во всё горло, лечь на землю и рыдать что есть мочи. Он не пытается побежать за мужчиной, не пытается остановить его, вытянуть из проклятой воронки – Джереми знает, что это бесполезно. Сквозь собственные всхлипы он всё же слышит два слова: «Джейн! Джейн!». И снова размытые черты тусклых скучных лиц, все они проносятся мимо Джереми со скоростью лондонского экспресса. Двери, бесконечное множество дверей, открываются и закрываются перед ним.

Небо, затянутое тучами, нарядные люди в красивых одеждах, белое платье на загорелом женском теле, и «Лови, Джейн!» – белый свадебный букет у Джереми в руках. Он бросает его под ноги, переступает через него и идёт дальше. Лето сменяет зиму, деревья, трава, облака, лица – всё проносится мимо Джереми.

Ясное небо, и запах азалий – липкий приторный воздух снова окутывает его невидимым кольцом. Нечто в правом кармане Джереми не даёт ему покоя, и он суёт руку в карман, проверяя его содержимое. Нашупав что-то, Джереми высовывает руку и смотрит на свою ладонь. Это маленькое колечко с красивым белым камушком. Камушек сверкает в лучах солнца, Джереми бросает кольцо под ноги, наступает на него, вдавливая подошвой в рыхлую землю, и идёт дальше. Ему снова хочется плакать. Он не хочет быть здесь, он хочет забиться в тёмный угол какого-нибудь чулана и закрыть дверь на замок. Он хочет сидеть в этом углу вечно, до самой смерти. Там прохладно, темно и спокойно, там нет людей, и никто его не увидит, там ему не нужно будет ни с кем разговаривать, не нужно будет вообще ничего делать.

Снова появилось лицо красивого мужчины, но ненастоящее, как будто затертая фотография, и глазам Джереми стало горячо и мокро.

Перед ним пронеслись люди в белых халатах, и новые бесчисленные двери открывались и закрывались. Его ладони в крови. Он весь мокрый, липкий и пахнет от него странно.

Острая боль пронзила живот Джереми в тот момент, когда он услышал плач. Плакал маленький ребёнок, младенец. Очень горько, безнадежно, словно в пустоту. Джереми понимал, плач слышал только он один. Такой тихий и жалобный он пронзал, заполнял, разрывал, окутывал и высасывал всё живое из него.

– Пожалуйста, замолчи! Заткнись! Прошу тебя! Не надо больше!

Джереми проснулся в слезах. Он не сразу понял, где находится и почему его так сильно тошнит. Весь съеденный завтрак грозился вырваться наружу. Он огляделся и увидел Джейн – она дремала, склонив голову на бок и рыжий затылок водителя на переднем сидении. В машине тихо мурлыкали Криденс⁷. Фредди – так звали водителя, заметил в зеркале, что Джереми проснулся и весело подмигнул ему.

– Можешь разбудить миссис, парень. Сейчас мы остановимся возле ближайшей заправки, чтобы залить бензин и подкрепиться. Ну и облегчиться, само собой. – Фредди смачно хохотнул. – До Карлайла ещё ехать и ехать!

Джереми скривился. Фредди тревожно покосился на него:

– Парень, у тебя такой вид, будто ты проглотил живого осьминога, и тот вот-вот вылезет обратно!

Он заржал, радуясь собственному остроумию. Живое и развитое воображение Джереми нарисовало ему картину проглоченного живого осьминога, который высовывает скользкие щупальца из его глотки, затем показывается полностью, вымазанный содержимым его желудка и говорит всем присутствующим: «Привет!». Этого он не выдержал.

– О, Боже, – только и успел вымолвить Джереми.

Он склонился под сидение, держась за живот, и исторг из себя весь завтрак.

– Вот дерьмо! – воскликнул Фредди.

* * *

В Карлайл приехали после шести вечера. Машину пришлось не только заправить, но и помыть. Разумеется, дорога заняла больше времени, чем рассчитывали. Джейн изрядно укачало, Джереми всё ещё мутило. Выглядел он бледным и изнурённым. Джейн беспокоилась за него. Всем хотелось выйти из машины и немного подышать свежим воздухом. Над Карлайлом сгущались тучи, обещавшие вскоре разразиться проливным дождём. Ленд Ровер давно свернул с трассы М6 на А689, откуда вырулил на Кингстаун-роуд, и поехал по Скотленд-роуд. Джейн спросила у водителя, могут ли они с Джереми осмотреть Карлайл, и тот ответил: «Без проблем».

– Знаете, я, вообще-то, родом отсюда, моя сестра живёт здесь с мужем, и я бываю в Карлайле довольно часто. Я всё здесь хорошо знаю и могу показать вам несколько интересных местечек. Городок небольшой, но пара-тройка достопримечательностей тут имеется! Если вам не к спеху, ну чтоб я отвез вас к этим, как их там... к Уитлам, то у меня есть чертовски заманчивое предложение, – скороговоркой проговорил Фредди, глядя на Джейн в зеркало заднего вида.

Джейн опустила оконное стекло, вдохнула свежий воздух.

– Я вся внимание, – отозвалась она, изображая приветливую улыбку на измученном лице. – Правда, мы немного устали, и сегодня нас хватит только на одно заманчивое предложение, если оно, конечно, будет интересно Джереми.

---

⁷ Криденс – сокращенное название американской рок-группы 60-х гг. Полное англоязычное название группы – «Creedence Clearwater Revival».

Фредди воодушевился.

– Вы что-нибудь слышали о Выставке тысячелетия?

Джейн и Джереми недоуменно переглянулись и отрицательно покачали головами. Фредди заметил и лучезарно улыбнулся – вылитый болван!

– Обычная музейная выставка, ничего особенного, но в честь неё муниципалитет решил пощекотать жителям нервишки!

Джереми равнодушно смотрел на затылок Фредди.

– Вы, конечно же, ничего не слышали о Проклинающем камне Карлайла? – Вопрос прозвучал, как утверждение, поэтому, не дожидаясь ответа, Фредди продолжил. – Так вот, в честь Выставки тысячелетия Проклинающий камень перенесли с окраины города в центр. Уже несколько дней он стоит на площади возле Городского собора, а после окончания выставки камень перенесут в Тулли-Хаус. По крайней мере, я так слышал.

Фредди отдышался немного и вновь продолжил говорить, поглядывая в зеркало то на Джереми, то на Джейн.

– С этим камнем заварушка получилась. Несколько человек начали активно протестовать против того, чтобы его переносили в центр города, да ещё ставили рядом с Городским собором. В тот же день, когда камень установили на площади, один псих припёрся туда, и давай орать, что Проклинающий камень принесёт в Карлайл ужасные беды. Видать пьяный был. Он нёс чушь и выкрикивал какие-то пророчества, пугал людей, которые пришли поглазеть на камень. Сначала это был только один псих, его, конечно, быстро скрутили и увезли куда подальше. Но таких вот протестующих стало больше. О них даже писали в газете. И в местных новостях показывали. Они приходят каждый день к собору с самодельными табличками и орут во всё горло, чтоб камень убрали обратно на окраину города, откуда его приволокли.

Фредди сунул руку в карман джинсов и выудил оттуда грязный скомканный платок, затем громко высморкался и продолжил:

– Я ещё этот камень не видел, но мне очень хочется взглянуть. Моя сестра была на той выставке, представляете? Видела проклинающий камень своими глазами и даже видела того самого психа – Нострадамуса. Она рассказала, что полиция приехала быстро, но стало только хуже. Страшный был переполох, дети начали реветь, туристы – шарахаться в разные стороны, кое-кто фотографировал, кто-то снимал на камеру, кто-то смеялся, а кто-то просто поспешил убраться подальше. Люси – это моя сестра – сказала, что видела, как бедолагу ударили палкой по голове. Там, говорит, на тротуаре была его кровь. Короче, жуть какая-то, страсти маленького городка.

Фредди выждал паузу. Джейн с тревогой глядела на Джереми, тот, в свою очередь, отрёпённо пялился в окно.

– Если вам интересно, то я могу вас двоих отвезти к собору. Я и сам буду рад посмотреть на эту хреновину.

Джейн кашлянула.

– Ой, простите, ради бога! – опомнился водитель, – Я хотел сказать – на эту махину. Говорят, каменюка весит что-то около четырнадцати тонн.

Джейн протестующе покачала головой.

– Это совсем не то, что нам сейчас нужно. Мы устали с дороги и ....

Договорить она не успела. Джереми её перебил.

– Конечно, Фредди! Мы очень хотим посмотреть на эту хреновину!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.